

63.5
176
KP 1436586

кр.

Р.П. Лонин

ХРАНИТЕЛЬ ВЕПССКОЙ КУЛЬТУРЫ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ПО СВЯЗЯМ ОБЩЕСТВЕННОСТИ
КАРЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Рюрик Лонин

ХРАНИТЕЛЬ ВЕПССКОЙ КУЛЬТУРЫ

*(к 40-летию Шелтозерского вепсского
этнографического музея)*

кр 1436586

Петрозаводск – Шелтозеро
2007

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

63.5

+ Кр.

76

УДК 069.02:908

63.521 (= 661.6)

Лонин Рюрик. Хранитель вепской культуры (к 40-летию Шелтозерского вепского этнографического музея). Петрозаводск, 2007. 97 с.

«Хранитель вепской культуры» – седьмая книга Р. П. Лонины. Изданные известным краеведом работы «Короткие частушки» и «Фольклор моего народа» (на вепском языке), «Личный архив Р. П. Лонины», «Записки краеведа», «Детство, опаленное войной», «Живет в народе память» уже стали библиографической редкостью. Новая книга автора посвящена 40-летию созданного им Шелтозерского вепского этнографического музея. Книга повествует о путешествиях по вепскому краю в поисках фольклорных и этнографических материалов, о земляках автора, становлении и развитии Шелтозерского вепского этнографического музея, ныне широко известного за пределами Карелии.

Книга адресована всем, кто интересуется историей вепского края, изучением и сохранением историко-культурного наследия народов.

*Издание этой книги осуществлено при финансовой поддержке
Карельского государственного краеведческого музея.*

*Автор выражает глубокую благодарность директору музея
Михаилу Леонидовичу Гольденбергу, а также редактору
и литературному обработчику текста рукописи данной книги
писателю, заслуженному работнику культуры России и Карелии
Ивану Алексеевичу Костину.*

*Автор благодарит сотрудников Шелтозерского вепского этнографического
музея за помощь в подборе исторических и иллюстрационных материалов,
хранящихся в фондах музея, а также за компьютерный набор этой книги –
Наталью Александровну Анхимову, Олега Валентиновича Лонины
и Валентину Валерьевну Ишанину.*

*Книгу эту посвящаю молодому поколению,
любящему фольклор своего народа,
изучающему историю и культуру своей Родины.*

ВСТУПЛЕНИЕ

В конце 1950-х годов я стал заниматься сбором вепсского народного фольклора. Постоянно совершал поездки по вепским деревням и селам карельского Прионежья, Ленинградской и Вологодской областей, встречался и подолгу беседовал со старожилами этих мест. В начале 1960-х годов у меня появилась мысль о создании такого музея, который бы своими экспонатами и документами мог всесторонне отразить историю, культуру и быт нашего народа от древних времен и до наших дней.

Однако некоторые из моих земляков восприняли этот проект скептически. Мало того что они не могли поверить в мои личностные возможности, но и недооценили того, что уже в ближайшее время после открытия музея у меня появится широкий круг помощников-энтузиастов. Я верил не только в свои силы и возможности, но и в здравый смысл людей, среди которых вырос. И когда дело это началось и пошло на лад, оно стало смыслом всей моей дальнейшей жизни.

Как будет видно из дальнейшего моего повествования, по мере накопления экспонатов и документов сельский Совет поначалу выделил небольшое помещение в здании сельской библиотеки и уже через несколько недель, а именно 28 октября 1967 года, музей раскрыв двери перед первыми посетителями. Первая наша экспозиция была еще довольно скромной, но она положила начало работе музея.

Но прошло несколько лет, и стены этого помещения для музея стали тесными. В наше распоряжение была предоставлена часть старого школьного интерната. Это весьма способствовало активизации нашей работы, росту музейного хозяйства. В 1974 году мы стали участниками смотра народных музеев Карелии. Наш Шелтозерский музей занял первое место и был награжден Почетной грамотой Министерства культуры Карельской АССР.

В 1991 году наш музей вновь поменял адрес. Он переехал в отреставрированный дом Мелькиных, который в свое время был признан памятником крестьянской архитектуры XIX века. Надеемся, что новых переездов не будет. Это здание вполне отвечает всем требованиям работы вепсского этнографического музея, который является филиалом Карельского государственного краеведческого музея.

ИЗ ИСТОРИИ ВЕПССКОГО ПРИОНЕЖЬЯ

Северовепсские деревни узкой полосой, повторяя очертания берегов Онего, протянулись вдоль юго-западного побережья. По пути следования из Петрозаводска в Вознесенье вепсская земля начинается с села Шокша и далее простирается до самой южной границы Карелии. Главная дорога – Вознесенский тракт – проходит через Шелтозеро, Рыбреку, Каскесручей. В стороне от основной магистрали среди небольших озер и речек расположилось еще несколько небольших деревень. В глубокую старину такие водораздельные селения встречались значительно чаще, но время уже не оставило от них и следа. От многих из них остались лишь одни названия: Тераворго (Teravorg), Розмега (Rozmeg), Тахручей (Tahkoi), Левонova Сельга (Levonan sel'g), Габшoма (Habšom), Масляная Гора (Voimägi), Крюкова Сельга (Krik), Кушлега (Kušleg), Качезерo (Isak), Ржаное Озеро (Rugižjarv), Лучкина Гора (Lučkan mättaz). Многие деревни стали исчезать с лица земли со второй половины прошлого столетия.

Топонимика – увлекательная наука. Обращаясь к названиям селений и мест или живя среди них, мы погружаемся в глубину времени, приближаемся к корневым истокам истории своего края, его культуры. К сожалению, подчас мало задумываемся о том, что этими драгоценными крупницами наследия наших предков следует дорожить и беречь их. Во множестве таких названий имеется своя загадка. Есть она и в названии села Шелтозеро. Где искать это таинственное озеро, давшее название селу? Есть версия – в поземельных книгах деревни этого края за 1496 год.

Название Шелтозеро (Šoutjarv) впервые было объяснено исследователем А. Альтквистом в 1854 году, который считал, что название Шелтозеро произошло от глагола «souta» (грести). Из верховья реки от Горнего Шелтозера можно было догрести на лодке до Онежского озера. И в том месте, где река впадает в

Онего, и возникло село Шелтозеро. Этот вопрос также рассматривался финскими учеными Э. Н. Сетяля, Э. А. Тункело, В. Нисселя, Я. Калима. Материалы их исследований опубликованы в журнале «Советское финно-угроведение» за 1970 год в № 1.

В некоторых этнографических статьях можно встретить вопрос: кто же эта легендарная в е с ь, о которой не раз упоминается в памятниках отечественной письменности наряду с другими народами: муромой, мордвой, заволочской чудью, пермью, ямью, угрой? Письменные источники на этот вопрос не могли ответить много столетий, и только сравнительно недавно весь как вепсы была открыта словно заново.

Что можно было узнать о вепсах еще в начале XX века? Читаем в Энциклопедическом словаре братьев Гранат: «Вепсы немногочисленная (до 25 тысяч душ обоего пола) финская народность. Русские называют вепсов чудью, чухарями и кайванами. Вепсы живут небольшими, без правильного плана деревеньками, большей частью в курных избах, среди лесов, занимаются земледелием. В бытовой обстановке, фольклоре и верованиях много архаичного. Большую роль играют заклинания...».

По поводу названия «кайваны» уместно привести такую легенду.

«Однажды некий всадник из Петрозаводска, проезжая через вепские деревни к реке Свирь, подъехал к одной деревне. Остановил лошадь возле молодой женщины, которая копала канаву для оттока воды и спросил у нее:

– Скажи-ка, молодуха, далеко ли еще ехать до Свири?

Женщина по-русски не поняла и ответила по-вепски: «Кайван, кайван» – копаю, значит. Всадник, понятно, тоже не понял ее и досадливо буркнул:

– Про чудь слышал, что есть такая народность, а тут, оказывается, еще и кайваны живут!

Сколько еще этнографических и топонимических загадок хранит и наше село Шелтозеро и вся вепсская земля!

Прионежские вепсы самая северная группа вепского населения. Историки утверждают, что они на этой земле селились позд-

нее, чем коренное население вепсов Приожья. Так, известный этнограф и историк Владимир Пименов на основе писцовых книг и косвенных источников XV – XVI веков пришел к выводу о заселении вепсами Прионежья не ранее XIV века, когда новгородские славяне активно стали вторгаться в Прионежье, и под их натиском вепсы вынуждены были отходить от Свири на Север, на мало-заселенные или совсем пустые места, в частности, на территорию нынешнего Прионежья. Это уже позднее северовепское предание пыталось объяснить, когда и почему прионежские вепсы оторвались от основной массы вепского населения. Предание связывало это переселение с именем Петра I и его реформаторскими деяниями.

Но у того же Владимира Пименова на этот счет есть свое объяснение, почему прионежские вепсы живут обособленно от остальных: «Вепсы жили прежде по обеим сторонам Свири компактным массивом. Однако, находясь в составе русского государства, они будто бы не захотели служить в царской армии и укрывали рекрутов в лесах. За это якобы Петр I, проезжая однажды с войском по Свири (отголосок событий 1702 года), приказал переселить вепсов за 30 верст по обе стороны реки, что и было сделано. Но в действительности такое распоряжение едва ли имело место. Однако указание легенды на компактное расселение вепсов заслуживает внимания и находит подтверждение в других источниках».¹

СЛЕДЫ ВРЕМЕН МИНУВШИХ

С интересным исследованием по вопросам топонимии и передвижения вепсов выступила в газете «Коммунист Прионежья» историк И. Муллонен в 1988 году. Приведем из этого материала наиболее характерные отрывки.

«В языке топонимии северных вепсов есть явные следы того, что вепсы пришли в Прионежье именно со Свири. Вот один характерный пример. У северных вепсов есть слово «posad» – «деревня». Примечательно, что его знает только прионежская группа

¹ Пименов В.В. Вепсы. М.; Л., 1965. С. 192.

вепсов, остальным же вепсам оно неизвестно. Слово это имеет, несомненно, русские истоки, достаточно упомянуть, что оно известно древнерусской литературе: посад – поселение у города, вокруг крепости. По мере продвижения новгородцев на северо-восток, в Присвирье, происходила постепенная трансформация исходного значения слова. В современных русских городах Свири посад означает село, точно так же, как и у прионежских вепсов. Такая идентичность в значении слова в русском Присвирье и в вепском Прионежье не случайна. Она указывает на Свирь как на территорию, где вепсы усвоили русское слово.

Отодвигаясь от Присвирья в Прионежье, вепсы унесли с собой это усвоенное русское слово. Оно участвовало в образовании многих названий северовепских деревень: «Posad» или «Sur'posad» в Матвеевой Сельге, «Van'kan posad» в Другой Реке. Теперь встает вопрос, какими путями вепсы шли в Прионежье? Известно, что никаких колесных дорог в древности не было. Шли водным путем. Реки и озера служили им для освоения севера. Из них можно выделить два главных: река Ивина, ограничивающая с запада вепскую территорию в Прионежье, и само Онежское озеро. Оба эти водные пути, как подтверждают многие источники, в свое время использовались вепсами. Добавим, что вплоть до недавнего времени юго-западное побережье Онежского озера, вплоть до самого устья Свири, было вепским. Следовательно, вепские села Прионежья – это естественное продолжение заселения вепсами побережья Онежского озера».

А вот что писал ученый-этнограф и путешественник В. Н. Майнов, путешествующий по Карелии в 1893 году, в книге «Живописная Россия»: «Сама природа будто вступилась за сохранение их национальности и защитила их от гибели – непроходимые топи, скалистые сельги и непролазные леса стоят на страже этих чисто чудских (вепских) уголков: зимой не проехать туда за бездорожьем от снегов, а летом разойдутся болотца, и редкий путник рискнет туда поехать в самое сердце чудской земли, в придуманном на ту нужду экипаже-смычке, где ему не повернуться, ни ногами пошевелить невозможно».

Тяжело жилось этому лесному народу. Обитали вепсы в курных черных избах. Примитивными топорами рубили лес, корчевали пни и такой же примитивной сохой распахивали землю под пашню. Сеяли хлеб, лен и некоторые другие культуры. Такое земледелие называлось подсечным. Рыбачили и охотились. В озерах водилось в достатке разной рыбы, а в лесах — дичи. Занимались домашним ткачеством. Из льняного полотна шили рубахи и исподнее. Плели лыковые и берестяные лапти. Телег вепсы тогда еще не знали и пользовались волокушами. И только спустя столетия жизнь этого края начала меняться. Через болота и леса прошли дороги, и колесо докатилось до самых глухих поселений. Лучину в избах стали вытеснять свечи, затем появились керосиновые лампы, а в середине прошлого столетия засияло электричество.

Культура вепсского народа складывалась веками, и понимать это следует в самом широком смысле. Совершенствовались быт и земледелие, росли духовные запросы народа. Они выражались в многообразии устного творчества. Это и народные песни и причитания, предания и легенды, пословицы и поговорки. Все это совершенствовало язык вепсского народа, делало его более гибким и насыщенным. Но самое главное, что все это фольклорное многообразие ярко и достоверно отображало жизнь народа, этапы его общественного и социального развития. Следует также помнить и о том, что культура вепсского народа по главной своей сути была интернациональной. В ней легко угадывается влияние карельской и русской бытовой традиции.

Вглядываясь в то давнее время, в трудное становление вепсской народности, видишь, как не только стремительно менялась жизнь нашего края, особенно с конца XVIII века, но и как она меняется буквально на глазах одного поколения, несмотря на разрушительные войны и социальные потрясения. Изменился облик наших деревень и сел. И живет в них уже другой народ, с иным характером и нравственными ориентирами, с иным бытовым укладом и трудовыми потребностями. Но язык у него остался прежним, правда, обогащенным самим развитием современной жизни. Но вепсы не забывают о своих корнях

и истоках, бережно сохраняют свою народную культуру и лучшие традиции: доброту и трудолюбие, любовь к природе и к своему краю, умение жить в мире и дружбе с людьми других национальностей.

В подтверждение этих мыслей я приведу слова эксперта Петербургского фонда культуры Е.Б. Белодубровского. Он полюбил и породнился с нашим краем еще и потому, что жена его родом из наших мест. И вот что, к примеру, прочел я однажды в его путевых записях:

«...И уж, конечно, никогда не исчезнет и спелая красота лесной малины или черники, брусники или клюквы, горячей на зеленовато-желтом ковре болот; или нехитрый, нежно-розовыми кругами рисунок обыкновенных волнушек, растущих рядом со свежеспаханным картофельным полем. А по зимам крахмально сине-белая гладь озерных снегов с темными кругами прорубей. И никогда не исчезнет сверкающая на солнце чистейшим серебром живая чешуя плотицы или леща, как узоры вышивок полотенец или деревянная резьба убранства домов. Словом, все то, что так органично входило в культуру быта вепсов».

ЛЮДИ – ГОРДОСТЬ НАШЕГО КРАЯ

Каждый народ, большой или малый, непременно выдвигает из своих рядов ярких представителей в различных областях жизни – общественных и политических деятелей, хозяйственных руководителей, тружеников науки и культуры, замечательных умельцев и просто высоких профессионалов своего дела. Об их славных именах и деяниях рассказывают многочисленные документы, хранящиеся в фондах Шелтозерского музея. Я далек от мысли дать полный перечень их фамилий, как и раскрыть их добрые непреходящие дела. Но и приведенный ниже перечень имен и фамилий моих славных земляков может дать читателю некоторое представление о лучших людях моего края, которые оставили заметный след в его истории в разные периоды нашей жизни. Вклад каждого из них в сокро-

вищницу истории и культуры нашего народа по своей значимости, возможно, различен. И потому я представляю их имена согласно исторической хронологии.

ПОЛИН Константин Миныч (1881–1938) – уроженец д. Каскесручей. Был членом Коммунистической партии с 1918 года. Должность наркома РКИ Карелии занимал с 1929 по 1934 год. Наркомом юстиции Карелии был утвержден в 1937 году. Был также секретарем партколлегии комиссии партийного контроля республики. Являлся делегатом XIV, XV, XVII съездов Коммунистической партии. На XV съезде был избран членом ЦК ВКП(б). Такая справка на Полина К.М. хранится в архиве общественно-политических движений и формирований. Как и многие политические и общественные деятели того времени, он был репрессирован и в 1938 году расстрелян. В 1956 году за отсутствием состава преступления был реабилитирован.

ЕРШОВ Софоний Дмитриевич (1888–1946) – уроженец д. Другая Река. Первый национальный художник Карелии. Наиболее значительные его живописные полотна: «На сенокос», «М. И. Калинин, Председатель ЦИКа, на строительстве Кондопожской ГЭС», «Погрузка камня на судно в пос. Ропручей» и другие работы. В 2005 году работы Софония Ершова экспонировались на выставке в Шелтозерском вепсском этнографическом музее, на время переданные из фондов Карельского краеведческого музея.

МАКАРЬЕВ Степан Андреевич (1895–1937) – уроженец д. Подщелье. Историк и этнограф. Автор многих работ по истории и культуре вепсского народа. Был репрессирован и в 1937 году расстрелян. Реабилитирован за отсутствием состава преступления в 1956 году. Исследовательским трудам С. А. Макарьева посвящены страницы книги «Вепсы: история, культура и межэтнические контакты», выпущенной Карельским научным центром РАН в 1999 г.²

ЛИСИЦЫНА Анна Михайловна (1922–1942) – уроженка д. Житноручей. Герой Советского Союза Лисицына А. М. свой подвиг совершила в годы Великой Отечественной войны. Ее

² КарНЦ РАН. Институт языка, литературы и истории. Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Сборник научных трудов. Петрозаводск, 1999.

жизни и подвигу посвящено множество различных публикаций. Среди них повесть карельского писателя Анатолия Гордиенко «На пути к рассвету», рассказ Александра Иванова «О Героях Советского Союза А.М. Лисицыной и М.В. Мелентьевой», поэма Виктора Бокова «Свирь» и книга ее земляка Рюрика Лонина «Живет в народе память».

РАКЧЕЕВ Сергей Степанович (1901–1983) – уроженец с. Шелтозера. В государственных органах Карелии занимал ряд ответственных должностей. Завершил свою трудовую биографию в должности заместителя Председателя Совета Министров Карело-Финской ССР и Карельской АССР.

ГОРБАЧЕВ Марк Васильевич (1902–1964) – уроженец д. Горнее Шелтозеро. С 1938 до 1940 года – Председатель Президиума Верховного Совета Карельской АССР, с 1940 до 1951 года – Председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР. С 1951 до 1956 года – министр юстиции Карело-Финской ССР, с 1956 до 1961 года – министр здравоохранения и социального обеспечения Карельской АССР.

КОНОНОВ Василий Иванович (1904–1983) – уроженец д. Другая Река. Заслуженный деятель искусств РСФСР и КАССР, Народный артист Карельской АССР. Основатель и первый руководитель Вепсского народного хора.

МАНЬКИН Иван Павлович (1924–1984) – уроженец д. Каскесручей. С 1979 до 1984 года работал в должности Председателя Президиума Верховного Совета Карельской АССР.

Немало замечательных людей, которые успешно работали в народном хозяйстве, в области науки и культуры, образовании, вышли на широкую дорогу жизни из д. Горнее Шелтозеро (Mägi). Когда-то она была большим зажиточным селом. Хорошо смотрелась издали на возвышенности среди лесного массива. Расположена в семи километрах от административного центра Шелтозеро, бывшего районного центра. В Горнем Шелтозере была семилетняя школа, клуб, библиотека, магазин, медпункт. Но его постигла участь многих сел и деревень нашего и не только нашего края. Различные кампании по укрупнению сел и «бесперспективности» небольших деревень, начиная с 70-х годов прошлого века, привели в

конечном счете к тому, что люди стали покидать родные места. Так, и в Горнем Шелтозере были закрыты школа, магазин, другие учреждения. И люди стали разъезжаться кто куда. А что уж говорить о небольших деревнях Калин Остров (Kalinan-sar), Сюрьга (Magi), Сорокина Гора (Haragon mättaz), которые были частью села...

Но где бы в конечном счете ни оказался человек на своих жизненных дорогах, каких бы вершин он ни достиг на избранном пути, он всегда с благодарностью будет помнить о своей малой родине, о том уголке родного края, сам воздух которого вошел навсегда в его сердце.

Вот и Николай Георгиевич Зайцев, доктор технических наук профессор Института кибернетики Академии наук Российской Федерации не только своей памятью, но и многократными наездами в свое Горнее Шелтозеро еще и еще раз отдавал поклон родной земле.

А в Шелтозере разве мало выросло истинных сынов и дочерей нашего края, именами которых мы гордимся и при всяком удобном случае отдаем дань их светлой памяти. Вот лишь одна из примечательных жизненных судеб нашего земляка Курганова Василия Дмитриевича. Она во многом характерна для поколения его земляков-сверстников и потому попытаюсь рассказать об этом замечательном человеке несколько подробнее.

Фамилия эта в Шелтозере стала распространенной. Согласно семейному преданию вепсы Кургановы в 1700-х годах служили на флоте у Петра I. Еще совсем недавно на улице Гористой (Namamättaz) жили только Кургановы. Да и сегодня здесь эта фамилия далеко не редкая. Так, следом за домом Ждановых на Гористой появилось еще несколько домов с жильцами других фамилий.

На этой Гористой улице в 1906 году в вепсской семье родился Вася Курганов. Вспоминая страницы своей жизни, он однажды рассказал:

«Родила меня мама в поле на опушке леса, куда пришла за березовыми вениками. Ей бы в спокойной обстановке отдыхать и готовиться к родам, но такова уж была крестьянская жизнь, что пока женщина на ногах, она вынуждена была выполнять ту или иную

посильную работу. Заготовка веников по сравнению с другими занятиями была делом наиболее легким. Но, слава богу, роды прошли нормально, и я рос здоровым ребенком.

А когда чуть подрос и проходил с мамой мимо этого поля по дороге в деревню Леонова Сельга (откуда была родом мама и жила моя бабушка), она указывала на опушку леса, где я появился на свет. Это полторы версты от Шелтозера...».

Очень рано, с 12 лет, начал свою трудовую деятельность Василий Дмитриевич. Вскоре после Октябрьской революции стал работать в органах местной власти. С 1921 по 1949 год он трудится в промышленности на разных хозяйственных должностях, одновременно учится. В конце 1920-х годов интенсивное развитие происходит на предприятиях оборонной промышленности. С 1931 года Василий Дмитриевич трудится проектантом, ведущим инженером-конструктором и заместителем главного конструктора, а вскоре главным инженером одного из военных предприятий. Затем работа в Министерстве военной промышленности. В последние двадцать с лишним лет Василий Дмитриевич – начальник отдела комиссии Президиума Совета Министров СССР.

Я привожу неполный послужной список своего знатного земляка, но даже этот сухой перечень его должностей дает определенное представление о служебной карьере этого незаурядного человека. Хотя само слово «карьера» для него не является верным определением его роста. Он просто трудился, не думая о высоких должностях и наградах, отдавая на любой – и самой скромной, и на ответственной – работе все свои знания и жизненный опыт порученному делу.

В последний раз на свою родину в село Шелтозеро Василий Дмитриевич приезжал осенью 1983 года. Приехал из Москвы и первым делом пришел поклониться порогу родительского дома, который покинул более шестидесяти лет назад. Перед ним было то же самое старинное село Шелтозеро, но в его обновленном облике явственно просматривались черты новой жизни. Иными стали люди, широта их интересов и культурные запросы. Ознакомившись с новью родного села, на следующий

день Василий Дмитриевич решил навестить школу, где он учился и откуда с аттестатом зрелости вышел на большую дорогу жизни. Задумчиво посмотрел на двухэтажное деревянное здание, на новое каменное здание интерната и начальной школы. С волнением поднялся по ступенькам большого здания школы и открыл дверь. В школе шли занятия. Справа гардероб, дальше – кабинет директора. Услышал голоса в учительской. Словно извиняясь за непрошенное вторжение, негромко постучал в дверь учительской и вошел, держа в руке шляпу. В комнате было три преподавателя. Они с интересом посмотрели на пожилого представительного мужчину. После небольшого замешательства Василий Дмитриевич представился:

– Я учился в этой школе.

Но, видя недоуменный взгляд педагогов, уточнил:

– Учился в старом школьном здании. Его уже сейчас нет...

Он обстоятельно отвечал на вопросы директора школы Розы Фоминичны Максимовой и других учителей. Вспомнил фамилии своих школьных преподавателей. Немного рассказал о себе, о своем жизненном пути. Кто-то из педагогов предложил гостю выступить перед учащимися, рассказать о себе, поделиться воспоминаниями. Но Василий Дмитриевич вынужден был с сожалением отказаться от этого предложения. Рано утром он уезжал.

По приезде в Москву наш земляк не забыл о своем обещании написать письмо. Вскоре в адрес школы от него пришло письмо с воспоминаниями о своей малой родине, где он еще раз выразил сожаление по поводу несостоявшегося выступления перед школьниками. «Но я и в этом письме, – сообщал он, – могу сказать ребятам одно: учитесь прилежнее, не избегайте любого сельского труда. Все эти качества вам пригодятся в дальнейшей жизни, где бы вы ни стали работать: в сельском ли хозяйстве или в промышленности, в научном поиске или в освоении космоса – знания и жизненная закалка помогут вам преодолеть в жизни все препятствия. Любите свою великую страну, и только ее благополучие может вам гарантировать спокойный труд и счастливую жизнь».

СЛОВО О СКАЗИТЕЛЬНИЦЕ АНАСТАСИИ ЛОГАЧЕВОЙ

В особом ряду среди умельцев нашего края и хранителей языка народа стоит имя Анастасии Егоровны Логачевой (1896 – 1988) из Шелтозера. Она наша вепсская сказительница. Многие десятилетия радовала своих земляков и гостей нашего края своим неповторимым талантом изумительного владения устным народным словом. Кроме необыкновенной памяти покоряла собеседника своей жизненной мудростью, потому что за ее плечами был такой огромный жизненный путь и такой человеческий опыт жизни. Не случайно многие ученые и фольклористы из нашей страны и соседней Финляндии были нередкими гостями в ее гостеприимном доме. Десятки причитаний, сказок, легенд и преданий были записаны от нее фольклористами и людьми, для кого устное народное творчество есть живая нить, связующая собой разные времена и эпохи.

Хочу в этой связи поделиться своими впечатлениями. Я тоже при каждом удобном случае записывал от Анастасии Егоровны то предание, то пословицу или просто живое позабытое слово. Сижу однажды у нее дома и обращаюсь к старой сказительнице с вопросом:

– Откуда Анастасия Егоровна вы знаете столько сказок и всякой иной всячины?

Но никакого у нее особого секрета в этом не было.

– Мне в детстве все это рассказывала мать. И запомнила я на всю жизнь. Мать-то еще поболее меня знала, да некому было за ней записывать.

«Родной матери да птичьего молока нигде не найдешь», – гласит вепсская пословица. Но, к сожалению, мы об этом часто забываем. А ведь сколько таких матерей, какой была у Анастасии Егоровны, могли оставить после себя всякого разнообразия, которое мы называем устным народным творчеством.

Дочь сказительницы Юлия Ивановна Логачева, живущая ныне в поселке Кварцитный, в январе 1992 года написала стихи, посвященные матери-сказительнице, которой тогда исполнилось бы 95 лет. Написала эти строки Юлия Ивановна без претензий на

публикацию, для семейного круга и близких знакомых, кому память об Анастасии Егоровне была дорога. Но я думаю, что для данного разговора опубликовать их будет вполне уместно. Не будем строги к их поэтической форме, но отдадим дань признания ее чувству, раскрывающему всю глубину дочерней любви к своей матери.

МАТЬ

Милой мамы ангел Божий
Разбудил меня с утра.
Он шепнул мне в день погожий:
«Здравствуй, доченька моя!»

Я опомниться не смею,
Жду продления добра...
Ну, конечно, наважденье
На меня нашло с утра.

Ведь сегодня милой маме
Девяносто пять годов!
Это дух ее слетает
Среди зимних холодов.

Скрылись горные вершины,
И умолкла ты навек.

В сердце болью отдается
Память прошлых горьких лет.

Мне б хотелось милой пташкой
Полететь за облака,
Отыскать живую сказку,
Что ты с сердцем нам дала.

Посмотреть с высот небесных
На бескрайние поля.
Пожелать всем близким, дальним
Мира, счастья и добра.

Помнить памятные даты
С новым годом в январе.
Зло забыть и помнить свято:
Люди счастливы в добре.

В феврале 1992 года в Шелтозерском Доме культуры был проведен литературный вечер, посвященный жизни и творчеству Анастасии Логачевой. На него собрались родные и близкие сказительницы, ее многочисленные земляки, приехали видные фольклористы из Петрозаводска, которые благодаря своим исследованиям, познакомили собравшихся с малоизвестными и примечательными страницами жизни и творчества славной сказительницы. При свечах, как и в старину, когда Анастасия Егоровна исполняла свои причитания или рассказывала сказки, все желающие за неспешным чаепитием могли сказать свое слово и тем самым соприкоснуться с творчеством своей землячки-сказительницы. Местный музей в честь этого вечера организовал передвижную выставку, раскрывающую жизненный и творческий путь сказительницы.

Отдавая дань неуываеваемой памяти Анастасии Логачевой, хочется назвать и имя Дмитрия Ивановича Пустошкина. Я лично запомнил его как человека преклонного возраста, жившего на окраине Шелтозера. К сожалению, фольклористы им не заинтересовались, видимо, по той причине, что о нем ничего не знали. А жаль. Это был в своем роде примечательный человек. Вокруг него часто собирались дети. А детское любопытство и внимание – это верный признак неподдельного интереса к собеседнику.

Дмитрий Иванович был не просто интересным собеседником, но и неутомимым сказочником. Его сказки были яркими и развернутыми, одна картина с развитием необычных событий сменяла другую, и слушать его было сплошным наслаждением, особенно тем, кто любил старину и живое сказочное слово. Мне тоже довелось беседовать с этим мудрым сказочником и слушать его волшебные сказки и предания. Так, к примеру, одна из его сказок, как жених привез для себя невесту из другого царства-государства, занимала более часа. Очень поучительной и насыщенной жизненной правдой была сказка о том, как мужик учил попа кормить лошадей на конюшне.

Жалею, что я мало записал от него вепских народных преданий.

ФОЛЬКЛОР В МОЕЙ ЖИЗНИ

Писатель Олег Тихонов в газете «Ленинская правда» 8 февраля 1968 года в своей статье, побывав в творческой командировке в Шелтозере, писал обо мне: «Откуда в нем, рабочем человеке, эта редкая страсть к народному фольклору? Отец ему не напевал колыбельных. Просто дело и сказка жили в нем рядом...».

Да, верно, так оно и было. Как-то неожиданно сам по себе возник у меня интерес к истории и традициям своего народа, с его более чем полутысячелетней историей, с того далекого времени, как наши предки стали жить и трудиться на этих землях, искать свое трудное счастье.

Родился я в вепской деревне Каскесручей, расположенной на живописном берегу Онежского озера. Там на песчаных берегах стоят на холмах вековые сосны. О крутой берег в дни непогоды

бьются серебристые волны, а в часы затишья на глади воды отражается синь неба. Наверно, сама природа с ее эпическим простором озера и шумом вековых сосен заставила меня полюбить не только все в ней живое, но и голоса далеких моих предков, сохранившихся в слове, которое передавалось из поколения в поколение в виде устного народного творчества — это песни и сказки, причитания и предания, пословицы и поговорки.

Но все это приходило ко мне постепенно. В школе я интересовался народными песнями и даже записывал их в свой альбом. И, видимо, нужно было на какое-то время оторваться от дома, чтобы еще сильнее почувствовать тягу к родным корням, к певучим звукам своего вепсского слова. Именно такое состояние души я ощутил в Петрозаводске, где вначале учился в ремесленном училище, а после окончания его стал работать на Онежском, тогда еще машиностроительном, заводе. Как и все ребята моего поколения, служил в рядах Советской Армии. Но и после окончания службы мой жизненный путь еще до конца не определился. Я вернулся в Петрозаводск и продолжил свои заводские будни, правда, уже на другом предприятии — на авторемонтном заводе.

Снимал я тогда в частном секторе на краю города небольшую комнатуху. На работе о доме и обо всем, что связано с родным краем, думать особенно было некогда. А когда оставался после работы один в тесных стенах хозяйского жилища, тут уж давал полную волю и воспоминаниям, и мечтам о том, как будет складываться моя судьба в ближайшие годы. В этих раздумьях было ясно одно, что притяжение к родине и родовым истокам рано или поздно заставит меня навсегда вернуться под родительский кров.

Однажды в минуты таких раздумий я неожиданно для себя написал свое первое стихотворение на вепсском языке. Послал его в республиканскую газету «Ленинская правда» с надеждой, что напечатают. Но получил ответ, что материалы на вепсском языке газета не публикует. Посоветовали обратиться в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР. В институте меня встретил Виктор Яковлевич Евсеев, работавший в те годы старшим научным сотрудником сектора фольклора и литературы.

Встреча с ним для меня оказалась очень полезной и многое прояснила. Он одобрил мое желание писать на родном языке. Было мне в ту пору 26 лет. И я с осознанием своего долга, без юношеского пыла, а с уверенностью в своих возможностях решил заняться собиранием вепсского фольклора. Решение это пришло ко мне еще и потому, что в разговоре с сотрудниками института я понял, что наш вепсский фольклор еще по-настоящему никто не собирал, а значит, он все еще остается недостаточно изученным.

К нашей беседе вскоре подключился Николай Иванович Богданов, заведующий сектором языкознания института. На столе появился магнитофон, и мне предложили о чем-либо на свой выбор рассказать на родном вепсском языке. И я рассказал былинку, которую я неоднократно слышал от матери еще в детстве, когда мы жили еще в Каскесручье. Это расположило ученых ко мне. Стены института я покидал с особым чувством. В кармане у меня лежал документ, выданный руководством института, согласно которому мне поручался сбор вепсского фольклора. В этом документе была выражена просьба как к отдельным гражданам, так и к государственным организациям оказывать мне в этом деле всяческое содействие.

Я душой понимал, что, если и другие мои земляки-энтузиасты не запишут от поколения старших людей весь многослойный запас их памяти устного народного творчества, хранителями которого они являются, многое канет в Лету. А дети наши должны знать и ценить все богатство родного языка. Фольклорные богатства таяли на глазах, и их следовало спасать, то есть записывать, пускать в культурный оборот нашей жизни. Я был одним из тех, кто не мог равнодушно относиться к потере даже крупиц из сокровищницы народного языка.

Мне припомнился один эпизод, всплывший из памяти моего детства. Было это в середине 30-х годов прошлого века. В это время не было в живых моих бабушки и деда, которые, по свидетельству моих родителей, знали немало всевозможных преданий старины. Кое-что из этого богатства перенял мой отец. Так вот однажды сидит он на сапожном стульчике перед широкой скамьей и ремонтирует обувь. Берет в руки мамины сапоги, в которых утром

ей предстояло идти на колхозное поле. Я стою рядом и наблюдаю за его работой. Удивляюсь, как у него все ловко получается и как старая обутка приобретает вполне праздничный вид. И тут он говорит:

— Давай-ка я тебе былину расскажу. Я ее с молодости запомнил от твоей бабушки:

Däniš d'oksob dähut möto
Karvaižed-se mahut möto,
Čilahtoitin čiložehē,
Helahtoitin heloižehē,
Kus-se kulub dāuhtaze,
Kus-se kulub surdaze.
Kacuhtin kut ulāhaks,
Ulāhan-se päivii paštab,
Kacuhtin kut alahaks,
Alahan-se venēh soudab.
Oi, tatoi, mamoi,
Otkad mindei veneheze.
Oi, tūtār, tūtār eilā siad.
Airoižed-se vestmatomad,
Lōuhoižed-se kokmatomad.
Vaūkahad randaižed
Mudekahad veduded.

Заяц скачет по ледочку,
Шерсть волочит по снежочку,
Зазвонила в колокольчик,
Зазвонила я в звоночек.
Где-то мелют – слышится,
Где-то толчут – слышится.
Как я взглянула наверх,
Там солнышко сияет,
Как я глянула на низ,
Там лодка проплывает.
Ой, мать и отец,
Возьмите меня в лодку.
Ой, дочь, ты дочка,
Нет в лодке места.
Веселки не обтесаны,
Лопатки не продолблены.
Берега тут утлые,
Вода очень мутная.

Былина ли была? Нет, скорее, беседная песня, которую девушки пели на деревенских посиделках. Я тогда об этом мало задумывался. И беда ли, что отец называл ее былиной. Наверно, он пел и былины и особого отличия песни от былины не делал. Возраст этому произведению не менее полутора лет.

И вот, имея на руках удостоверение внештатного корреспондента Института языка, литературы и истории, я в свободное время и в выходные дни стал навещать своих земляков, живущих в городе. Многие из семей в поисках лучшей жизни переселились в город и нашли здесь работу. Магнитофоны в те годы были редкостью. Главным подспорьем в моих поисках были карандаш и объемный блокнот. Собиратели устного творчества знают, насколько кропотлив труд такой записи. Нередко приходится просить собеседника что-то напевать или рассказывать

не спеша. То и дело ради точности возвращаться к тексту уже записанному. Тут требуется терпение и от собирателя, и от собеседника. Сложность записей состояла еще и в том, что многие люди с ходу отказывались: «Надо было бы заранее договориться, чтобы вспомнить, ведь многое уже призабылось». И договаривались, и встречались вторично. Многие вепские семьи посетил я тогда в Петрозаводске. Немало было памятных бесед. Вот одна из них.

Встретился я с заслуженным деятелем искусств Российской Федерации и Карелии Василием Ивановичем Кононовым. Отправляясь на встречу с ним, я был уверен, что запишу от него что-либо интересное. Ведь когда-то он в Шелтозере работал с Вепским народным хором и встречался с разными интересными людьми, которые могли ему порассказать многое из преданий старины или из своей жизни. Однако прежде всего я спрашиваю у известного артиста, знает ли он вепские сказки. От волнения я даже забыл, как следует представиться, и он спросил:

– Кто вы и откуда?

Не сразу удалось мне разговорить Василия Ивановича. Решился даже на такой неожиданный шаг, что сам ему рассказал былинку, услышанную в детстве от матери. Она повествовала о том, как один мужик в лесу повстречался с медведем. К слову, эту былинку, которую я рассказал фольклористам в институте, записали на магнитофонную ленту. Василий Иванович слушал меня с интересом. Когда я закончил, предложил:

– Могу исполнить причитание. Но этот вид народного искусства исполняют женщины, сопровождая протяжным плачем. Плакать я не буду, а потому попробую передать простым пересказом текста.

Я слушал и с жадностью, ловя каждое слово собеседника, быстро записывал. Я не останавливал Василия Ивановича, мой бойкий карандаш успевал следовать за каждым его словом. Так мы постепенно нашли с ним общий язык. А за чаепитием разговорились и более доверительно.

Он мне рассказал «Плач невесты», о том, как ее выдавали замуж за нелюбимого. Потом я его записал. Долго мы сидели с Василием Ивановичем в тот вечер и о чем только не переговаривали. Услышал я от него и несколько народных сказок.

Жизненный путь самого Василия Ивановича мог бы для сказителя его времени послужить замечательной «новинкой», как фольклористы определили творчество народных сказителей того времени. Василий Кононов вырос в небогатой вепсской семье. Высокая одаренность души уверенно и последовательно вела его по избранной дороге от рядового рабочего до прославленного балетмейстера. Однако Василий Иванович был приверженцем не только сценического искусства. Наряду с этим был он знатоком фольклора и этнографии. Это позволило ему заложить основы профессиональной хореографии с национальным колоритом. Как видим, его труд, творческий поиск были высоко оценены. Помимо упомянутых званий он был награжден двумя орденами «Трудового Красного Знамени» и медалью «За трудовую доблесть», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Карельской АССР.

Многие годы в последний период своей жизни Василий Иванович недомогал. Однако никому на свое состояние не жаловался и продолжал работать. Но коварная болезнь все подтачивала его организм, и в 1983 году нашего славного земляка не стало.

Проходят годы, но в памяти у меня, и не только у меня, остаются встречи с ним, дружеские беседы, в которых было место и вольной шутке и глубокому профессиональному разговору. О том, как принимали наших шелтозерских плясуний и певиц под руководством Василия Ивановича на сценах больших городов страны, можно судить лишь по одному его рассказу, который я сразу же записал после беседы с ним:

«Когда впервые мы побывали на Декаде карельского искусства в городе на Неве, привезли с собой полную машину подарков. Среди них были швейные машины и самовары с чайными сервизами, отрезы на костюмы и платья и многое другое. А произошло это так. После заключительного концерта шелтозерских певиц и плясуний привезли в один из универмагов города и предложили:

– Выбирайте, что вам придется по душе, но по одному предмету в руки. В кассе подсчитают стоимость, но вам платить не нужно.

Признаться, все мы были удивлены таким щедрым гостеприимством. А было оно устроено по инициативе Министерства культуры Российской Федерации, которое и оплатило эти покупки».

«Волшебник танца» — так называлась одна из статей в республиканской газете «Ленинская правда» от 22 июня 1980 года. Автором ее была Виола Мальми, известнейший сегодня балетмейстер в Карелии, Заслуженный работник культуры Карельской АССР. В этом материале были такие строки: «Мудрый волшебник танца, открыватель талантов, первый балетмейстер республики...» Эти слова были сказаны о Василии Ивановиче Кононове в день его 75-летнего юбилея, который отмечался в Финском драматическом театре в Петрозаводске.

А вот что в своей книге «Под музыку северных рун»³ писал Максим Гаврилов, Заслуженный артист России и Карелии: «Стрелки часов показывают полночь. Давно закончились репетиции, а в зале все еще горит свет. Это работает над своей композицией Василий Иванович, выстраивает рисунок танца, ищет темпоритм. Когда его спрашивают, где он учился как постановщик, он, улыбаясь, отвечает: «Нигде не учился. Я от природы такой». Богатая своеобразная фантазия, бесспорно, опыт позволили ему достичь творческих вершин.

Вспоминая свои встречи с Василием Кононовым и многими другими земляками, мне сегодня искренне хочется поблагодарить всех тех жителей Петрозаводска, выходцев из сел и деревень бывшего Шелтозерского района, за отзывчивость ко мне в моих занятиях по сбору устного народного творчества своего народа. Спасибо всем тем людям, к которым мне довелось обращаться в середине 1950-х годов или в последующие периоды жизни. Среди них мне хочется назвать хотя бы некоторых. Это, к примеру, Леонид Фошкин из Каскесручъя, Иван Кабаков и Татьяна Сомова из этой же деревни и многие-многие другие, кто являлся или является носителем народной памяти.

ФОЛЬКЛОР ВХОДИТ В ЖИЗНЬ

Мне всегда было досадно, что наша молодежь, особенно в 1950–1960-е годы, плохо, а то и совсем не знала устного народного творчества своего народа. В марте 1956 года я насовсем вернулся

³ Гаврилов М. Под музыку северных рун. Петрозаводск, 1982.

на родину. На каком-то отрезке своей городской жизни я понял, что по-настоящему быть полезным могу, только находясь среди своего народа.

Жители деревни были несколько удивлены:

– Авой! Рюрик-то из города вернулся домой. Неужели такому молодому и холостому парню в городе настоящего дела не нашлось и жилось плохо? В городе вечером иди хоть в театр, хоть в кино, а тут куда пойдешь?

Не понимали они причины моего возвращения. Не хотели сначала понять, что как раз они мне и нужны для общения, разговоров, чтобы продолжить свои городские занятия по сбору фольклора.

Оформился на работу в совхоз «Шелтозерский» слесарем по ремонту сельскохозяйственных машин. Отработаю смену, тетрадку с карандашом в руки и начинаю обходить село. А потом переключился и на другие деревни. Люди постепенно к моим посещениям привыкли и стали относиться с пониманием. Более того, сами начали проявлять интерес и активность, вспоминать позабытое, извлекать из закоулков памяти то сказки, то причитания, то былины, то пословицы и поговорки – все у меня шло в дело. Я так считал: что записано, рано или поздно пригодится.

Запомнилась встреча с исполнительницей причитаний Анастасией Потаповой, которая была известна в округе именно этим проявлением своего сказительного таланта. Пришел я к ней с магнитофоном. Но, увидев непонятный для нее предмет, отказалась от причитания:

– Боюсь, что начну причитания, и сама тут умру. Слабая и старая стала.

Так, к сожалению, запись и не состоялась, и мы сегодня не располагаем ее живым голосом.

Как правило, по умершим или иным бедственным случаям причитания вели женщины. Мужчины-сказители больше склонялись к пению былин и рассказу сказок. Об одном случае причитания в нашем крае существует такая легенда. Однажды Петр I, проезжая верхом на коне через одну из вепсских деревень, где на ее окраине рядом с дорогой находилось кладбище, услышал жалобный плач. Вся деревня принимала участие в похоронах. Одна из женщин

вела причитание так пронзительно, что все присутствующие молча вытирали слезы. Царь остановился и подошел к людям, провожавшим в последний путь своего близкого человека. Постоял, послушал причитания, и у самого на глазах сверкнула слезинка. Не пристало царю плакать при народе, но такого жалобного плача ему еще слышать не доводилось, и горестный комок подступил к его горлу, не смог он сдержать слезу. Но когда покинул кладбище и к нему подошел староста, Петр I распорядился:

– Категорически запрещаю людям рыдать на кладбище!

А я тем временем продолжал собирать россыпи устного народного творчества, записывал и изучал свадебные и похоронные причитания. Так, в 1991 году на свадьбе у средних вепсов я записал причитания, которые были связаны с разными этапами свадебного обряда: рукобития, посещения бани накануне свадьбы, непосредственно свадебного действия. Свадебное действие начиналось с прибытия жениха. А невеста-сирота с причитаниями уходила из избы в поисках умерших родителей. Им она хотела выплакать свое сиротское горе. Затем возвращалась в избу и сообщала гостям, что не нашла их. Но были в причитаниях подобного рода и такие варианты, когда невеста-сирота уходила на кладбище, если оно располагалось рядом, попросить благословения у своей покойной матушки. Приходила с подругами и со слезами припадала к материнской могиле, причем каждая из таких невест-сирот вела по-своему причет, в основе которого была ее личная жизнь и судьба. Отсюда можно сделать вывод, что причитание не являлось раз и навсегда застывшей формой, а каждая из причитальщиц вносила в него свое индивидуальное содержание.

Здесь я приведу пример лишь одного варианта причитания, записанного мною в Петрозаводске от Екатерины Лебедевой, бывшей жительницы деревни Залесье. Причитание переведено на русский язык.

«Ой, сыра да ты земля, да разодвинься-ка ты на четыре стороны, да покажись ты мне моя милая маменька, да покажись ты мне, моя родительница. Ой да надумала я большую думушку, выйти замуж я надумала...».

Но главная мысль в причитании заключалась в том, что невеста в бане (в баенке) отпускала от себя «vaugtan valdaižen» (белую волюшку):

Ой, истопили вы теплу парную банюшку,
Ой, только я не мылась и не парилась,
Ой, да только с вольной волюшкой распрощалась,
Ой, как первый раз да пару я кинула,
Ой, да моя вольна волюшка испужалась.
Ой, да как второй раз я пару кинула,
Ой, да моя волюшка по стенам бросалась,
Ой, да как в третий раз пару я кинула,
Ой, моя волюшка слезами заливалась.
Ой, да как четвертый я раз пару кинула,
Ой, моя вольна волюшка улетела через окошечко.

Этот вариант причитания был записан мною от Людмилы Львовны Мелентьевой, руководителя Вепского народного хора, которая собирает материалы для пополнения репертуара хора.

Свои интересные мысли о причитаниях высказал в книге «Музыка в свадебном обряде финноугров и соседних народов»⁴ эстонский ученый-этнограф Кристи Салве, не раз в 80-х годах прошлого века побывавшая в научных экспедициях во всех вепских регионах: северных, средних и южных.

В сврхх заметках она писала:

«Если вепские похоронные причитания со своим обрядовым текстом живут по сей день, то свадебные причитания в естественной обстановке исполнения не звучат уже более полувека... Хотя имеются отдельные сведения о причитывании на свадьбе еще в 60–70-е годы. Эти причитания исполнялись представителями более старшего поколения (матерью невесты, крестной матерью или кем-либо другим), были без контекста...».

Свои полевые записи я переписывал в домашней обстановке и отправлял в фонд института. Сам я их не обрабатывал, стремился донести их до специалистов по фольклору в том самом первоизданном виде, в котором мне удалось их сделать, то есть

⁴ Салве К. Музыка в свадебном обряде финноугров и соседних народов. Таллин, 1986. С. 256.

устное звучание перенести на бумагу, не пропуская и не искажая ни одного слова.

Из института я неизменно получал уведомления о том, что рукописи мои получены. Вот, к примеру, один из таких ответов.

Уважаемый Рюрик Петрович!

Присланные Вами новые записи мы получили. Большое спасибо. Всячески приветствуем занятие этим нужным и полезным делом.

С приветом Р. Виртанен.

7.02.1958 г.

Или вот еще одно из таких писем. Заведующий сектором литературы и народного творчества К.В. Чистов примерно в то же время писал мне:

«Рад был получить Ваше письмо и узнать из него, что Вы продолжаете заниматься нашим чудесным общим делом. Присылайте все, что записано – надо накапливать материал. Н.И. Богданов тоже думает в этом году продолжать сбор материалов по языку и народному творчеству вепсов. Так постепенно у нас образуется возможность подумать об издании специального сборника вепского фольклора. Теперь относительно вашего участия в экспедициях. Я изъявил желание поехать совместно в научную экспедицию к средним вепсам в Ленинградскую область. Но нечто более определенное я могу сказать только несколько позже, когда будет утверждена финансовая смета нашего института. Для окончательного решения этого вопроса нам нужно знать и кое-что относительно Вас. Какой месяц был бы для Вас удобнее? На какой срок Вы могли бы поехать и т. д. Напишите».

ЗАПИСИ СВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВ

Однажды я стал одним из слушателей свадебного причитания своей бывшей односельчанки Анастасии Егоровны Ермолаевой. Когда-то она была председателем колхоза им. Куйбышева. И мне захотелось записать ее причитание. Магнитофона у меня не было, и я договорился с ней о записи в Шелтозерском Доме культуры. Она согласилась. Ее эмоциональное исполнение тронуло всех присутствовавших на записи. Мы поинтересовались, когда и от кого

она эти плачи переняла. Большого секрета нам Анастасия Егоровна не открыла. Еще во времена своей молодости ей не раз приходилось бывать на свадьбах, когда исполнялись обрядовые песни и причитания. Обладая хорошей памятью, некоторые из них она запомнила. Но с чувством большого сожаления приходится говорить о том, что запись эта не сохранилась...

Большое количество как похоронных, так и свадебных причитаний было мной записано у средних вепсов в Ленинградской области, в деревнях, расположенных поблизости от реки Оять.

Приведу еще записанное мной свадебное причитание от Татьяны Васильевны Артешкиной в селе Озера: эпизод свадебного обряда, когда невеста в сопровождении своей бабушки из баенки приходит в избу. На крыльце ее встречают родственники. Прежде чем войти в дом, где уже приготовлены свадебные столы для угощения, невеста должна исполнить причет: «Ой, благослови ты меня, родительница-мамушка. Ой, благослови ты меня, родитель-ба-тюшка, белую меня лебедушку». И снова обращается к матери: «Ой, разреши мне обнять твои плечи тонкие» (плача обнимает мать). Мать отвечает своим причитанием: «Ой, да какую ты ду-мушку надумала, касаточка моя заветная, ой, да куда ты улетишь от нас на чужую сторонушку...» и т. д.

Свадебное действие продолжалось два, а то и три дня.

А вот что рассказали мне о предсвадебном обряде жительницы Шелтозера 88-летняя Мария Ефимовна Курганова и 89-летняя Анастасия Егоровна Логачева, сказительница: «Родственники жениха готовят сладкие пироги, греют самовар. Сваты садятся за стол, их угощают вином. Родителям невесты в этом предсвадебном разговоре они дают три дня срока на решение о выдаче дочери. И через три дня приходили за ответом. Если сватовство проходило без каких-либо осложнений, родители невесты объявляли до-чери:

— Мы тебя продали.

Когда наступал установленный срок, родители с сыном-женихом приходили в дом невесты для окончательного сговора. Наступал день венчания. А до него бабушка невесты отводила ее в баню прощаться со своей вольной волюшкой. После обряда прощания с

волей бабушка приводила невесту в дом. А на крыльце ее встречают подружки с яркими разноцветными ленточками. И прежде чем войти в дом, они по одной ленточке выбрасывают на улицу, чтобы не остаться на всю жизнь старой девой...»

Были нередки случаи, когда родители отдавали свою дочь замуж за нелюбимого. Чаще всего родители такого жениха имели в доме определенный достаток, а родители невесты считали, что они лучше знают, как устроить судьбу своей дочери. Причитание об этом я записал в Петрозаводске на квартире Василия Ивановича Кононова. В этом причитании невеста обращается к своему старшему брату:

Ой, ты братик дорогой, ты мой милый братик!
Покатай да ты меня, белую лебедушку
По Мирской да Ямской по дороженьке..

Исполнив песенный обряд катания, невеста обращается к своим родителям:

Ой, как я была да у чужанина.
Ой, да как была-то у свекрови – чужой матери,
Ой, да как я была у четверых невестушек,
Ой, да как я была у четверых золовушек,
Ой, да как я была в пребольшой семеюшке.
Ой, как четверо невестушек да смотрели на меня в восемь глаз,
Ой, как четверо золовушек да смотрели на меня в восемь глаз.
Ой, родительница ты, моя маменька,
Ой, родитель ты мой, милый татенька.
Что я понавидела, обо всем порасскажу вам.
Ой, да как я была у чужого чужанина...
Ой, да неужели я была для вас в доме не работница,
Ой, да неужели я была для вас непослушной дочерью.
Меня девушку молодую под венец поставили...

Однако во всех свадебных причитаниях, скорее, отдавалась дань традиции, сложившемуся ритуалу свадебного действия, чем сути происходящего, хотя возникали и прямые совпадения сюжетных линий причитания с конкретными обстоятельствами. А старая поговорка гласит: «После свадьбы дом жены там, где ее муж». Истина эта незыблемой остается и сегодня.

В деревню Каскесручей я выезжал часто, поскольку там жили мои родители. Я уже говорил, что она расположена в живописном месте, на песчаных берегах Онежского озера в окаймлении вековых сосен. До войны в окрестностях Каскесручья размещался пионерский лагерь республиканского значения, куда приезжали сотни пионеров и школьников отдохнуть и набраться сил перед новым учебным годом. В деревне были дома старинной крестьянской постройки, рационально приспособленные для ведения хозяйства и проживания в них больших семей. К сожалению, большинство таких построек не сохранилось.

И вот однажды, после приезда, я вышел на свидание с одной хорошей девушкой, которая, как мне казалось, была ко мне не совсем равнодушна. Но тут я почувствовал, что в ее отношении ко мне что-то изменилось. Больше отмалчивается и взгляд какой-то равнодушный. После я узнал, что мать ее была против встреч дочери со мной. Мое увлечение записями, как я хожу по домам с тетрадкой и выпытываю земляков, что они помнят из преданий и притчаний, почему-то матери этой девушки показалось странным и непонятным.... Я с огорчением отнесся к этому, но решил, что со временем все образуется, главное продолжать свое дело, которое постепенно становилось главным смыслом моей жизни.

НЕОЖИДАННОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ В ПУШКИНСКИЙ ДОМ

В октябре 1957 года я неожиданно получил приглашение из Пушкинского дома и Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР на совещание по вопросам сбора и изучения народного творчества северных областей и республик европейской части СССР. Приложенная к приглашительному билету программа совещания была насыщенной и рассчитанной на три дня.

Мать этому приглашению, скорее, огорчилась, чем обрадовалась:

— Зачем тебе ехать? Нечего там делать. Соберутся люди ученые, будут умные разговоры вести. А ты человек рабочий. Кто на тебя глядеть там будет или слушать?

Я, конечно, такому отношению матери к моему увлечению огорчился, как и запрету матери той девушки встречаться со мной. Рассказываю об этом для того, чтобы на конкретных примерах отношения даже близких людей показать, насколько не просто было мне начинать свои фольклорные поиски. Но на этот раз я не послушался и матери, хотя никогда в жизни ей не перечил. Но тут был тот самый случай, когда я был настолько убежден в нужности своего дела, что верил: пройдет какое-то время и она сама поймет, что я занимаюсь не пустым, а очень нужным делом для самого же нашего народа. Но чтобы не огорчать ее, надел с утра не костюм, а рабочую спецовку. Только вышел за порог, она следом:

– Да неужто в рабочей одежде поедешь к ученым людям?

Видать, плохо спала в своих обо мне раздумьях и смирилась с моей участью, что в жизни мне суждено держать не только слесарный инструмент, но и тетрадь с пером. А к дому уже подъезжала грузовая совхозная машина, чтобы прихватить меня по пути в Шелтозеро в совхозные мастерские. Я успел только матери помахать рукой. Поехал я в рабочей одежде, а не в костюме потому, что мне нужно было появиться в мастерских, где меня могли и не отпустить в город. Всякое на производстве бывает. Но заведующий мастерскими не возражал, мужик был с пониманием. Жил я в Шелтозере на частной квартире. Домой в Каскесручей ездил на выходные. Через какое-то время подошел рейсовый автобус и через час – полтора я был уже в Петрозаводске. Зашел к двоюродной сестре, которая с мужем Иваном Филипповичем жила в городе, и парадный костюм Ивана оказался мне впору, и вскоре я был уже в институте среди своих знакомых.

Было много содержательных интересных докладов и сообщений, выступлений в прениях. Предложили выступить и мне. Но я еще не был готов к такому шагу, не готовился и вынужден был воздержаться. Внимательно слушал каждый доклад, каждое даже небольшое выступление и многое для себя открывал, многое начал понимать глубже и более предметно.

Постепенно с большим вниманием, я бы даже сказал с пониманием, стали относиться и дома к моему увлечению. Все чаще обращались руководители Вепсского народного хора. Поначалу

Александр Ефимович Никонов, а после него Людмила Львовна Мелентьева. По их просьбам я подбирал материалы для репертуара народного хора из моих многочисленных записей и для детского вепсского хора, тоже руководимого Людмилой Мелентьевой. Активными участниками этого хора были школьники Оля Сергеева, Коля Смирнов и некоторые другие ребята. Работа с репертуаром детского хора дала мне возможность написать об Оле Сергеевой в «Пионерскую правду». Вскоре из редакции этой газеты я получил ответ. Для меня это уже документ времени, поэтому мне хочется привести и это письмо:

Уважаемый товарищ Лонин!

Извините, что задержали ответ, у нас очень много писем от ребят, всем ответить сразу не успеваем.

Нас порадовало Ваше внимание к Оле Сергеевой, помощь ей в выборе сказок. Но сам материал о девочке обращен к взрослым. Для ребят нужно искать более эмоциональную форму организации материала. Хотелось бы рассказать об Оле. Может быть, у Вас есть или в школе профессионально выполненная фотография девочки в национальном костюме во время выступления на концерте? (крупный план). К этому добавить бы какие-то новости о девочке, и тогда можно было бы предложить материал для печати. Если у Вас есть возможность и желание заняться этим – напишите нам. Письмо в «Пионерскую правду» адресуйте корреспонденту Лидии Александровне Квасниковой.

Всего доброго Вам!

Прошли годы. С тех пор многое изменилось в жизни нашего села. Оля Сергеева закончила школу, а затем и учительский институт. Стала преподавать в родной школе. В настоящее время она депутат Законодательного Собрания Республики Карелия и заместитель директора ОАО «Карельская губерния».

Не так давно она посетила США в рамках программы «Женщины-политики». Стала почетной гражданкой американского города Омана.

Благополучно сложилась судьба и Николая Смирнова. Он осуществил свою школьную мечту и стал врачом. И не беда, что публикация моего материала в «Пионерской правде» тогда не

состоялась, то давнее письмо заставило меня вспомнить тогдашних ребят школьников, ставших достойными людьми и сказать о них сегодня доброе слово.

Вчерашние дети, выросшие на наших глазах, стали грамотнее и в чем-то любознательнее своих родителей, не говоря уж об их бабушках и дедушках. И при пробуждении интереса к прошлому своего народа, его истории и культуре способны не только сохранить его духовное богатство, но и преумножить его. Невольно думаешь о том, что родной язык, выросший на прочном фундаменте устного народного творчества, расширяет кругозор человека, делает его осознанным патриотом своего края. Мысли эти не раз меня сопровождали в моих поездках и при разговорах со своими земляками, когда я только начинал делать свои фольклорные записи и мысль о создании своего местного краеведческого музея начинала возникать в моем сознании. Ведь фольклор и музей, по моему убеждению, понятия неразрывные. Фольклор это не только устное слово. Иногда и предмет, лежавший без движения с самых седых времен, может заговорить и поведать немало интересного.

И я был рад, что на первых порах своего увлечения получил поддержку не только местных властей или отдельных людей, но и ученых фольклористов и этнографов, имена которых были хорошо известны в нашей республике.

Спустя некоторое время после памятной для меня конференции в Петрозаводске к нам в Шелтозеро приехал доктор филологических наук профессор Виктор Яковлевич Евсеев. Он был старшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР. Приехал он по поводу издания книги о языке вепсов Ленинградской области. В разговоре он не без огорчения сказал мне:

– Сборник вепсского фольклора издать пока не удастся. Но наши языковеды, исследующие вепсский язык, заканчивают работу по подготовке для издания книгу о языке вепсов Ленинградской области. И что, если я не возражаю, – сказал он, – в нее можно включить отдельным разделом подготовленные вами записи по фольклору вепсов этой области.

При этом Виктор Яковлевич заверил меня, что мои записи от вепсского населения Прионежья со временем будут помещены в другом аналогичном сборнике. Разумеется, я на такое условие согласился.

В издании моей авторской книги по вепсскому фольклору был заинтересован и сам директор этого института Виктор Иванович Машезерский.

Однако и его влияния было, к сожалению, недостаточно, и в результате моя авторская книга по вепсскому фольклору не вышла. Но в 1969 году в Ленинградском отделении издательства «Наука» был издан сборник «Образцы вепсской речи» под редакцией наших карельских ученых фольклористов М. Зайцевой и М. Муллонен. В него вошли и некоторые мои полевые записи, собранные у средних вепсов Ленинградской области.

Письмо В.И. Машезерского мне и сегодня дорого тем, что он проявил к моей собирательской работе не только научный, но и человеческий интерес, выразил неподдельное желание ознакомиться с моими работами в полном объеме. Но лучше всего об этом скажет само письмо:

Глубокоуважаемый тов. Лонин!

В Вашем письме содержится просьба ознакомиться с собранными Вами материалами вепсского фольклора и оказать содействие в их опубликовании.

Наши специалисты готовы просмотреть Ваши материалы, чтобы получить представление об их характере и определить возможность их дальнейшего использования.

Судя по Вашему письму, материалов у Вас накопилось много, тщательное знакомство с ними займет длительное время, и нам было бы удобнее, если бы Вы послали эти материалы заказной бандеролью по почте на адрес нашего Института. Мы обещаем Вам полную сохранность всех материалов, и само собою разумеется, что всякое их использование в дальнейшем, если это окажется целесообразным и возможным, произойдет только с Вашего согласия.

Итак, просим Вас послать все Ваши записи по следующему адресу: Петрозаводск, ул. Пушкинская, 3. Петрозаводский институт языка, литературы и истории АН СССР.

*С глубоким уважением
Директор Петрозаводского
Института ЯЛИ АН СССР В.И. Машезерский*

ЗА МНОГОВОДНОЙ РЕКОЙ СВИРЬ

Средние вепсы, как я уже говорил, проживают по берегам многоводной реки Оять в Ленинградской области. В 1963 году, воспользовавшись очередным отпуском, выехал в центральную часть вепсской земли, где мне еще побывать не довелось. Поехал один, хотя и был разговор о возможности моего участия в такой поездке вместе с сотрудниками института.

В полдень того же дня я был в Вознесенье. На южном берегу Свири сразу повезло: попал на почтово-грузовую машину. Семьдесят с лишним верст ехал в кузове, закрытом брезентом. У развилки на русскую деревню Гоморовичи я сошел и обратился к председателю колхоза с просьбой устроить меня на ночлег. Был поздний вечер, и устраиваться самостоятельно было бы для меня весьма затруднительно. Женщина председатель, выслушав мои объяснения, указала на огонек в окне крайнего дома и посоветовала:

— Обратитесь к хозяйке этого дома. Старушка живет одна, человек отзывчивый и на ночлег устроит.

Действительно, хозяйка оказалась приветливой. Согрела самовар, наскоро приготовила ужин, и за столом я рассказал ей с какой целью приехал из Карелии в их края. Разговорились. И она мне показала на соседний дом:

— Вот в нем вепсы живут. Утром до отправления рейсового автобуса вы сможете зайти и побеседовать с ними. Когда-то они переселились сюда из вепсской деревни. Хозяйка разговорчивая и многое может порассказать из жизни вепсов.

Утром по совету своей хозяйки я отправился в дом Соколовых. Такую фамилию носит эта вепсская семья. Мария Кузьминична была родом из Винниц. Собеседницей она оказалась полезной и интересной. По моей просьбе исполнила несколько вепских песен и частушек. Но время меня поджимало. Нужно было спешить к автобусу, курсировавшему по маршруту Подпорожье — Винницы, к цели моего путешествия. Так, даже не предполагая, уже в Гоморовичах я сделал в своей дорожной тетради первые записи. В любом деле, как говорят, главное начало. И оно было положено.

К автобусной остановке следом за мною подошли две женщины. Стали между собой беседовать. Одна спрашивает другую:

– Далеко ли едете?

Та отвечает:

– В Вепсарию!

Интересно, – подумал я, – как они определили название вепсской местности. Значит, мне следует держаться рядом с этой женщиной, и я попаду туда, куда нужно.

Подошел автобус. Разместились. Еду в неведомый мне край. На душе и приятно, и тревожно. Как встретят, что там услышу от людей? Спрашиваю у попутчицы, сидящей рядом:

– Вы до какого селения едете?

– В Винницы, – отвечает она.

Разговорились с этой попутчицей. Слышать об этом селе ранее доводилось не раз. А из разговора с ней узнал, что село было центром вепсского национального района.

Водитель прибавил скорость. За окнами автобуса замелькали небольшие полянки и скошенные пожни с островерхими на них стогами сена. Был август. Местами озерные берега подходили почти вплотную к шоссе. Стояла ясная теплая погода, и это позволяло лучше разглядеть незнакомые мне прежде места и оценить неброскую, но выразительную их красоту. И душа при этом наполнялась волнующим чувством оттого, что вот и на этой земле тоже живет наш вепсский народ, и я буду какое-то время ходить по этой земле, которая для меня уже становится такой же родной, как и мое Шелтозерье.

Автобус наш между тем уже подъезжал к Винницам. Сделав остановку на площади рядом с Домом культуры, водитель открыл дверцу и привычно коротко объявил:

– Приехали!

Пассажиры поднялись и стали по проходу продвигаться к выходу. Выйдя на площадь, я огляделся. Село как село. Дома в основном одноэтажные, как и в наших краях, все хозяйственные постройки размещаются под одной крышей. Мимо меня проходит по-летнему одетая женщина. Спрашиваю по-вепски:

– Вы местная?

– Да, я здешняя. А вы в командировку к нам?

Неспешно объясняю, кто я и откуда, с какой целью появился в Винницах. И перехожу непосредственно к интересующему меня вопросу:

– Не можете ли мне назвать людей, кто знает сказки, народные песни, пословицы и поговорки. Я бы все это записал для своей будущей книги.

Собеседница на минуту задумалась. Потом указала мне рукой на невысокий дом на пригорке. Беседовали мы на вепсском языке, и это обстоятельство, как я заметил, расположило ее ко мне. Она охотно мне поведала о некоторых сельчанах, а для начала посоветовала зайти к Ивану Матвеевичу Зайцеву в этот самый дом на пригорке:

– Сейчас он должен быть дома. Наш язык хорошо знает. Учился в вепсской школе и рассказчик он интересный.

Направляюсь к дому Ивана Матвеевича. С крыльца выскочила рыжая собака. На ее лай вышел хозяин, и она успокоилась. Я представился. Хозяин пришел с работы на обед. Сразу же заговорили с ним на вепсском языке. Это был мужчина средних лет. Коренной житель села. Мы с первых слов стали хорошо понимать друг друга в прямом смысле, то есть в смысле языка, хотя у каждой из наших вепских групп есть в диалектах различия. Иван Матвеевич, как сказала его односельчанка, действительно учился в школе на вепсском языке. Но это было уже давненько. Но кроме рассказов, которые он помнит из вепских учебников, ничего не знал. Но рассказы из учебников меня, понятно, не интересовали. Мне нужен был живой фольклор, то устное богатство нашего народа, которое еще не попало ни в какие учебники. И все же перед моим уходом он припомнил одну из частушек, и я ее записал.

Свой дальнейший поиск я начал с Винницкого Дома культуры. Вестибюль и зрительный зал оказались пусты. Поднялся на второй этаж. В рабочем кабинете увидел за столами двух молодых девушек. Знакомлюсь, рассказываю им о цели моего приезда. Вижу их интерес и желание помочь, хотя бы советами. Посоветовали сходить на окраину села и познакомиться с бабушками-колхозницами. Они в это время работали в поле, жали серпами рожь. Поблагодарив девушек, направился в указанном направлении.

Нашел поле. Там увидел человек двадцать. Женщины, словно выстроившись в шеренгу, жали рожь. Дело знакомое. Такими серпами убирали и у нас не только рожь, но и овес с ячменем. Работа эта нелегкая. Отмахать внаклонку серпом целый день, это надо помимо терпения иметь закалку и здоровье. Подошел к одной жнице и спросил:

— Что же у вас до сих пор никакой уборочной техники нет?

Услышав голос постороннего человека и увидев незнакомого мужчину на поле, жницы, как по команде, распрямили спины. Возможно, поначалу приняли меня за какого-нибудь уполномоченного, которых в ту пору было немало. И одна из женщин на мой вопрос о технике сказала за всех:

— Техника в нашем колхозе имеется. Но поле это такое каменистое, что никакая техника тут не выдержит. Зато наши руки выдерживают.

Чтобы завязать разговор и показать, что и я тоже кое-что в полевых работах понимаю и в технике разбираюсь, спрашиваю:

— А пены железные у вас есть?

— Нет таких пен, — ответила одна из молодых колхозниц. Видать, была молодой вдовушкой, потому что стоявшая рядом с ней женщина пошутила:

— Не сватать ли он тебя пришел на поле да заодно посмотреть, какая ты в работе?

Однако мало-помалу беседа пошла на лад. Когда они узнали, с какой целью я приехал к ним, прониклись вниманием и отзывчивостью. А одна из них даже пропела мне несколько вепских частушек, которые я тут же записал в свою дорожную тетрадь.

После посещения жниц направился в сельскую библиотеку. Фамилия у библиотекаря Галины оказалась необычная и сложная — Икспеляйтер. Интересуюсь литературой о вепсах. Ответ был коротким:

— Нет!

Осталось только посетовать на такое отношение к вепской культуре. Но особенно и удивляться было нечему. В 1937 году в школах перестали проводить занятия по вепской письменности. А ведь если бы все эти годы развивался язык, появились бы свои

прозаики и поэты. Своими соображениями я поделился с Галиной, и она была согласна с этим, вообще мой приезд из Карелии вызвал у нее живой интерес. Поинтересовался и происхождением ее фамилии. По национальности она вепсянка, а фамилия у нее мужа, литовская. Родом она из Ладвы. Но не из Прионежского села, а из деревни Ладва Подпорожского района. Она посоветовала мне побывать в своей родной деревне, в домах которой, по ее словам, я мог найти еще старинный вепсский уклад жизни, мебель и утварь, сохранившиеся со старых времен. А люди помнят свои корни и хранят культуру народа. Но, к сожалению, в ту поездку побывать в Ладве мне не удалось. Познакомился с этой деревней и ее жителями позднее, в 1993 году, когда ездил в те края с научной экспедицией.

ЛАДВИНСКИЕ ВСТРЕЧИ

Более десяти лет назад в Ладве был создан вепсский народный ансамбль. Руководит им и поныне Галина Карпова. Ни одно значимое культурное мероприятие не обходится без его выступления. Знают этот коллектив и в области. Он не раз успешно выступал в Петербурге. Запевалой ансамбля выступает певица с замечательным голосом Мария Алексеевна Абрамова. К тому же она сочиняет частушки на темы дня на своем родном языке. Она живой творец вепсского фольклора. Овладела частушечным жанром на примере лучших образцов народного творчества. Но в ее частушках проглядывается заметно элемент индивидуального творчества. Ее способности к поэтическому слову передались сыну Николаю. Сегодня он известный в Карелии поэт, и его стихи в переводе на русский язык пользуются успехом у читателей. На родном языке он выпустил несколько сборников своих стихов.

Но вернемся к моим встречам в Винницах. После посещения библиотеки я обошел несколько домов. Место в гостинице для ночлега меня дождалось, но воспользоваться им мне не пришлось. Оказалось, что в соседнюю деревню Немжа отправлялась попутная машина, я решил не упустить такой случай.

Дорога главным образом проходит вдоль реки Оять. Она-то и связывает многие селения этого края, в котором вепсов проживает в два раза больше, чем в Прионежье нашей республики. Вечером я въехал в незнакомую тогда для меня деревню Немжа. Когда я вышел из кабины машины, на деревенской улице уже было темно. Куда идти? Конечно, прежде всего следует обратиться к председателю. И шофер, освещая фарами часть деревенской дороги, объяснил мне, как пройти к председательскому дому.

– Вот видите, – сказал он, – на той стороне реки горит огонек в окне дома? В нем как раз и живет председатель колхоза.

Я перешел по длинному деревянному мосту на другой берег Ояти на ощупь, придерживаясь за скрипучие перила. Мысленно ругал себя за оплошность, что не предусмотрел взять с собой электрический фонарик, а заодно и местных электромонтеров, оставивших деревню без света.

Председателем колхоза оказался высокий плотный мужчина. Дома он был занят хозяйственными хлопотами. Дети тоже не сидели без дела. Хозяин изучающим взглядом оглядел меня и проверил документы. Увидев в паспортной графе о национальной принадлежности слово «вепс», на родном языке предложил мне:

– Оставайся у меня. Места хватит.

Я разделся и присел на лавку. Оглядел обстановку в избе. Она мне напомнила внутренний вид наших изб: та же большая печь, занимавшая треть избы, глиняный умывальник с двумя носиками рядом с печкой, лохань под ним. Рядом чан на трех ножках между двумя окнами. Кухонный стол. Хозяйка готовила ужин.

Меня пригласили к столу в лицевую комнату. Хозяйка на ухвате принесла и поставила на стол чугунок с дымящейся картошкой в мундирах. Появилась миска соленых грибов, нарезанный ломтями хлеб. Обычный непритворливый крестьянский ужин.

Вечер еще был впереди и, несмотря на сумерки, я решил навесить соседей своих хозяев. Там горел свет в окошке. Сказал, что долго задерживаться не буду и на ночлег обязательно приду. Вхожу в соседний дом. Хозяйка-старушка по фамилии Филина хлопотала по дому. Я поздоровался по-вепски и коротко объяснил, откуда и зачем приехал. Беседа с нею поначалу складывалась непросто.

– Не можете ли мне, – спрашиваю ее, – рассказать какую-либо старинную вепсскую сказку или спеть песню из тех, что певали в молодости на беседных вечеринках?

Бабушке Филиной было 80 лет. Я чувствовал, что помнит она многое и не все забыла. Но возвращаться памятью в прошлое, а уж тем более что-либо петь и рассказывать ей явно не хотелось. И она сказала мне:

– В клуб давно не хожу. Сказок и песен не знаю. Мне ли теперь старухе песни петь?

Я все же не отступаю и продолжаю не очень настойчиво выпытывать: не все же забыто, что-то же осталось в памяти? А кто мне кроме старых людей сейчас вспомнит старинные песни и причитания? И вот вижу по ее взгляду, что он немного потеплел и стала у нее раскрываться душа для живого песенного слова:

– Ну, так и быть. Одну коротенькую припомнила.

Я приготовился записывать, вытащил тетрадь и жду первых слов. Но они были не песенные:

– Нет, не пиши. Песенка эта нехорошая. И петь я ее не стану, а лучше так перескажу слова.

И я их запомнил:

Koki, koki kalaine,
Ed koki-ka uü.
Lüubi, lüubi prihäine,
Ed lüubi-...

Правда в моем смягченном переводе она прозвучала так:

Ловись, ловись рыбка.
Не клюнешь – плыви дальше.
Люби, люби меня, парнишка,
Не любишь – уйди от меня подальше.

Мало-помалу моя собеседница разговорилась:

– Расскажу тебе, как в молодости вечера проводили. Зимой они длинные. Соберемся в какую-либо избу, сядем за прялки по лавкам, а наши деревенские парни уже тут как тут. Начинают заигрывать, тесниться между нами. Начнут нас безобразники щекотать и тут хохот подымется. Ни гармошек, ни балалаек, как помню, в пору нашей молодости в деревне не было. И тут кто во что горазд.

Иной парень возьмет печную заслонку, деревянные ложки в руки и начнет вызванивать дробь. И так у некоторых это ловко получалось, что ноги невольно пускались в пляс. Танцевали под эту «музыку» даже кадрили. Вот так и веселились. По домам расходились в полночь довольные вечеринкой.

Во время той первой поездки мне удалось побывать и в других деревнях этого края. В каждом доме общение и беседы с жителями велись на вепсском языке. В одном из домов школьник задал вопрос:

— Дяденька, вы для книги эти записи собираете?

Вопрос мне понравился. Малец еще, а смотрит и соображает верно. Понимает, что взрослый человек ради забавы не станет ходить со своей тетрадкой и слушать людей, чтобы терпеливо записывать, что они ему рассказывают. И я уклончиво ответил:

— Если сумею собрать достаточное количество интересных записей, тогда, может быть, и книга получится.

Наутро небо заволокли хмурые тучи. Пошел дождь и, судя по всему, надолго. До Озер долго ехать не пришлось, но поскольку добирался до этого села в открытом кузове грузовой машины, промок насквозь. Машина остановилась на пригорке в центре селения. Рядом — сельсовет. Вошел в переднюю комнату. Чувствую, как с моей одежды падают на пол крупные капли. За дверью в своем просторном кабинете сидел председатель сельсовета и что-то писал за столом. Возле него стоял в своей милицмейской форме участковый. Председатель о чем-то с ним говорил, возможно, делая какие-то наставления. Чуть в стороне на длинной скамейке сидела женщина, ожидая той минуты, когда председатель обратит на нее внимание. По опыту зная, что подобные беседы могут длиться долго, спешить-то что председателю, что участковому особенно некуда, я достал из сумки свои документы, в том числе и удостоверение корреспондента института ЯЛИ, и протянул их председателю. А тем временем по-вепски поясняя, что приехал для сбора фольклора и на первых порах необходимо устроиться с ночлегом.

Вопрос был решен тут же. Председатель обратился к сидящей женщине и попросил ее:

– Возьми к себе товарища Лонина и устрой его с ночлегом. Как видишь, а точнее, как слышишь, он хорошо по-вепски говорит. Сам вепс. Так что общий язык найдете.

Женщина согласно кивнула. И после ее беседы с председателем, она повела меня в свой дом. Стоял он неподалеку от сельсовета, напротив колодца с холодной ключевой водой. Невдалеке медленно катила свои воды река Оять. Жила моя новая хозяйка со своей матерью-старушкой и школьницей дочерью. Как только мы вошли в дом и дочь в двух словах объяснила матери, кто я и по какой причине появился у них в доме, старая хозяйка сразу же велела мне снять мокрую верхнюю одежду и нашла кое-что из мужской. Я переоделся.

Прожил я в этом гостеприимном доме среди радушных людей трое суток. И за это время успел побывать еще в некоторых соседних деревнях. А когда покидал Озера, произошел такой любопытный эпизод. Иду по улице к автобусной остановке. Мимо меня проезжает машина с рабочими. За эти дни моя фигура здесь примелькалась, и люди уже узнавали меня. И вот кто-то из сидящих в кузове рабочих вместо приветствия окликнул меня вопросом:

– Неужели, Рюрик Петрович, за эти несколько дней успел в нашем крае записать все народное творчество?

Я лишь в ответ помахал рукой, и этот мой жест можно было истолковать таким образом: я еще вернусь к вам, до новой встречи! Мне было приятно осознавать, что я стал здесь своим человеком и в любое время меня люди встретят с присущим им радушием. И тут трудно удержаться от такого воспоминания. Спустя некоторое время я с Вепским народным хором приехал в деревню Пондала Вологодской области, где жили вепсы. В клубе после концерта я спел для собравшихся несколько вепских частушек. А когда мы вышли на улицу и направились к своему автобусу, женщины меня окружили и чуть ли не в один голос заявили, что считают меня настолько своим, что не хотели бы отпускать домой в Карелию.

Но вернусь воспоминаниями к той моей незабываемой поездке в Немжу. Когда я вернулся туда из Озер, направился пешком за четыре километра в деревню Шондовичи. В ней я встретил интересных людей и заметно пополнил свой блокнот. Так весьма объем-

ную сказку записал от жительницы этой деревни Василисы Ерошкиной. Она была слепой, но зоркая своей душой и с великолепной памятью. В разговоре с ней я невольно заинтересовался, давно ли она потеряла зрение. И она рассказала мне такую историю:

— Однажды я с матерью пошла на сенокос. Стояла жаркая погода. Но как это нередко бывает у нас на севере, неожиданно набухли черные тучи. Раздался оглушительный гром, засверкали молнии. Мы с матерью спрятались в кусты. Гром гремел с такой силой, что казалось, небо не выдержит и расколется. И в самом деле, зигзаги молний словно бы и предвещали эту жуткую картину. И надо же было такому несчастью случиться именно со мной. После очередной вспышки молнии мимо меня прокатился огненный шар. Я ослепла. Вскоре меня отвезли на лечение в Ленинград. Но и там опытные врачи ничем помочь не смогли.

Я с волнением слушал ее рассказ и не знал, какие слова сочувствия высказать ей или продолжить начатую беседу. И тут к нам подошла круглолицая с румянцем во всю щеку девушка. Присела рядом со мной на лавку, чтобы послушать сказки бабушки Василисы. Одну из них она неторопливо рассказывала целый час. Правда, я ее предупредил, что буду записывать и чтобы она говорила помедленнее. Содержание этой сказки сводилось к тому, как двенадцать братьев искали себе в жены двенадцать сестер. И как самый младший из них Иван, используя свой ум и хитрость, добыл для себя золотого петуха, невесту-царевну и полцарства в придачу.

В соседнем доме жила Пелагея Богданова. Я опускаю все моменты знакомства, бытовых разговоров и остановлюсь главным образом на своих записях, вернее, на том, как я искал материал для них. Так вот, Пелагея Никитична исполнила для меня целое похоронное причитание и пятистрочную частушку. Поблагодарив ее, я посетил дом Анны Исаковой. После недолгой беседы она мне рассказала одну сказку. Во время нашего разговора она укачивала в люльке своего внука и напевала ему колыбельную песенку. Я не мог не воспользоваться этим и тут же ее записал. А потом она спросила:

— Из каких же ты мест, желанный мой? Так хорошо говоришь на нашем языке.

Я коротко пояснил ей, откуда и зачем приехал. А когда собрался уходить, она предложила:

— Оставайся на ночь.

Я от души поблагодарил Пелагею Никитичну и сказал, что с ночлегом уже определился, меня будут ждать в доме Лукиных.

На следующий день вечером я приехал в Вознесенье. Рейсовый автобус на Петрозаводск уже ушел, и мне ничего не оставалось, как направиться в гостиницу. Шел по темной улице деревянным тротуаром. У первого встречного осведомился, как удобнее пройти к гостинице, но с огорчением узнал, что в таком большом поселке гостиницы нет. Но тот встречный посоветовал мне сходить на пристань и, возможно, там найдется свободное место в комнате отдыха пассажиров.

В сплошной темени добрался до пристани, которую едва освещала единственная лампочка. Настил пристани при таком скудном освещении сливался с водой, и требовалась осторожность, чтобы не оступиться и не оказаться в воде. Никакой комнаты отдыха я на пристани не обнаружил и вернулся на ту улицу, откуда меня случайный прохожий направил на причал. С тем же вопросом, где я смог бы устроиться на ночлег, обратился к другому жителю поселка, одиноко шагавшему мне навстречу. И тот посоветовал мне зайти в общежитие, объяснил, где находится оно. Нахожу это двухэтажное здание и прошусь у дежурной на ночлег. Та отвечает не очень гостеприимно:

— У нас нет свободных мест.

От огорчения и усталости я прошу разрешения хотя бы подремать за столиком у окна. Хорошо, что она хоть на эту просьбу откликнулась. Так я всю ночь и промаялся в ожидании рассвета. Впрочем, большого огорчения это неудобство у меня не вызвало. Отправляясь в свой поход, я и не рассчитывал на особые условия и предполагал, что могут возникнуть самые неожиданные ситуации, и к таким случаям был готов.

А когда вернулся домой и рассказал друзьям и близким о своей поездке, походам по деревням среднего вепсского края и о тех неудобствах, которые порой приходилось испытывать, некоторые из них сочувственно спрашивали:

— Зачем тебе все это было нужно? Сидел бы в покое дома и занимался своими делами. Наконец, съездил бы лишний раз на рыбалку, а так вот и отпуск пройдет без хорошего отдыха.

Я только в ответ пожимал плечами, дескать, каждый находит удовольствие от своих интересов и занятий по-своему.

На столе дождалось меня письмо из института. Содержание его меня ободрило. От меня ждали записей, и я их привез. Благодарили за предыдущие материалы и всячески подкрепляли мои усилия по сбору родного фольклора.

НОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Следующую экспедицию к средним вепсам я осуществил в октябре 1979 года. Но на этот раз у меня был попутчик. Вместе со мной выразил желание отправиться в путь директор Шелтозерского Дома культуры Николай Терентьев. Поначалу хотели ехать из Вознесенья автобусом. Но, на наше счастье, он поломался, и нам пришлось сесть на почтовый самолет. Преимущество несравнимое. Через каких-то пятнадцать минут мы уже были в бывшем районном центре Винницы. Первая наша встреча состоялась с учащимися школы. Мы не столько говорили сами, сколько слушали рассказы ребят о своей учебе и жизни, о том, кем они собираются стать. Так ученик 6-го класса Сережа Лагунков на хорошем вепском языке поведал нам о своей учебе и любви к родному селу и к его истории. Характерно, что временами он переходил с вепского на русский язык и даже не ради того, чтобы показать знание того и другого, а потому, что отдельные моменты легче было объяснить на русском. Завершая свой рассказ, он передал пожелание ребятам Шелтозерской школы успехов в учебе и пригласил посетить их школу. У меня осталась магнитофонная запись его рассказа.

Интересная беседа состоялась у нас с супругами Дмитриевыми. Интересная потому, что у них за плечами была долгая жизнь, насыщенная разными событиями, познали немало трудностей и запомнили много интересного. Ивану Афанасьевичу было без малого девяносто лет и несколько моложе его верная спутница жизни, бабушка Ульяна.

Из Винниц на попутной машине мы выехали в Немжу. Там мы встретились с участниками фольклорного ансамбля. В его составе было немало людей не только пожилых, но и преклонного возраста. Но голоса их не утратили свежести и молодого задора. Настроение у них было приподнятое. Незадолго перед нашим приездом они вернулись из Ленинграда, где за свои выступления были награждены дипломами различной степени и памятными наградами.

Однако в полном составе с участниками ансамбля нам встретиться не удалось. Встреча была назначена в Доме культуры, но многие из них не сумели подойти по самым непредвиденным причинам. И все же с некоторыми из них встреча такая состоялась, и разговор получился интересный. В нем приняли участие и школьники села.

Мы, как представители другой группы вепсского народа, рассказали собравшимся о цели нашего приезда, о наших состоявшихся встречах и беседах. Разговор коснулся и прошлого нашего края, Шелтозерского партизанского подполья в годы войны, о сегодняшних делах и заботах наших земляков. Директор нашего Дома культуры Николай Терентьев, наделенный неплохим голосом, с большим вдохновением исполнил русскую песню «Даль великая».

Из фондов Шелтозерского вепсского музея мы с собой привезли запись десятилетней давности с выступлением Шелтозерского вепсского народного хора под руководством Александра Никонова. Запись эта вызвала у присутствующих большой интерес. И в конце встречи мы вручили радушным хозяевам грам-пластинку, на которую было записано выступление нашего народного хора.

На следующий день мы побывали в знакомом уже мне селе Озера. Побывали на уроке истории в восьмилетней школе. Рассказали ребятам о ярких страницах истории нашего края и знатных его людях. Особо остановились на подвиге наших карельских героинь, совершенном ими в годы Великой Отечественной войны — Анны Лисицыной и Марии Мелентьевой. С интересом ребята восприняли и рассказ о нашей работе по созданию этнографического

музея в Шелтозере. Посоветовали учителям и ребятам создавать при школе свой краеведческий музей. Общались с ними на вепсском и русском языках. Возникло совместное желание создать фильм о современной жизни вепсов, страницах истории нашего народа с показом предметов материальной культуры, изобразительных средств, с широким привлечением устного творчества. К этому предложению ребята и учителя отнеслись с энтузиазмом и тут же высказали свое пожелание, что следовало бы снять на пленку в их округе. Были названы памятники деревянной архитектуры: церкви, часовни, старые дома и отдельные хозяйственные постройки; вышивки знатных мастериц, лепные глиняные игрушки в руках самих мастеров – носителей народного творчества.

А в 1990 году я побывал в селе Ошта и в деревне Симоново Вытегорского района Вологодской области. В этих селениях тоже проживают средние вепсы. А южные (имеется такое научное определение) – заселяют ряд сел и деревень Бокситогорского района, Ленинградской области.

Деревня Симоново в двух километрах от Ошты. День был теплый и солнечный. Прогулка оказалась приятной. Деревня встретила меня добротными домами, часть из которых была двухэтажной. Во многом строения были похожи на дома наших сел. На деревенской улице не было ни души. Заметил лишь одинокого старика, сидевшего на крыльце своего двухэтажного дома. Подошел к нему. Разговорились. Он оказался старым солдатом, участником Великой Отечественной войны.

– Где же люди, почему на деревне никого не видно? – спрашиваю у него.

– Все на сенокосе, – был коротким его ответ.

Мог бы об этом и сам догадаться. И тут к месту вспомнились некрасовские строки, памятные со школьных лет: «Ишь пора-то сенокосная, вся деревня на лугу».

Беседовали мы со старым воином на родном вепсском. Узнал от него, что вся деревня говорит на родимом наречии, но в отношении бытования фольклора ничего определенного он мне сказать не мог. Сам уже давно перезабыл песни и сказки, которые еще знал в молодые годы.

В последний раз я посетил край средних вепсов в Подпорожском районе Ленинградской области в 1993 году. Ездили мы туда с директором Шелтозерского вепсского этнографического музея Натальей Анхимовой. На этот раз мы посетили и те вепские поселения, где мне до того времени не приходилось бывать – деревнях Курба, Мягозеро, Ладва, село Ярославичи. Знакомились с людьми, записывали фольклор, рассказывали, как и чем живут наши земляки, о том, как создавался и чем пополнялся наш музей в селе Шелтозере.

А тремя годами раньше мне удалось побывать в двух вепских селениях Вытегорского района Вологодской области – в Оште и Симоново. В первом из них в те годы, по словам уроженца Шимозера Григория Васильевича Мишкина, проживало более тысячи человек, из них вепсов 346 человек, не считая детей, не говорящих в совершенстве на вепском языке.

И ОПЯТЬ ПОЕЗДКИ С БЛОКНОТОМ

Еще одна моя поездка к средним вепсам состоялась в 1981 году. На этот раз мой старший сын Сергей изъявил желание посмотреть край средних вепсов и встретиться там со своим армейским товарищем, с которым вместе служил. Не хотелось бы повторяться, как мы с Сергеем ходили и ездили по селам и деревням, уже знакомым и незнакомым мне. Так же, как и в прошлые поездки, я просил старожилов края припомнить, что сохранила их память: сказки, причитания, былины и частушки. Нельзя сказать, что мне в каждом доме приходилось раскрывать свой блокнот, и все же кое-что записать удалось. Сбор фольклора дело непредсказуемое. Бывает и так, что беседуешь с человеком, а он ничего припомнить для тебя не может. А встречаешься второй раз, и вдруг у него в памяти всплывают какие-то необыкновенные эпизоды из его жизни или из жизни деревни, а то и жемчужины устного творчества. Эта наша поездка тоже дала свои результаты.

Вспоминая об этих поездках, хочу привести названия сел и деревень с фамилиями моих информаторов, от которых мною были записаны воспоминания и страницы устного народного творчества.

Этим самым я отдаю дань признательности людям за их интерес и отзывчивость к моим тогдашним заботам.

ВЕПССКОЕ ПРИОНЕЖЬЕ

д. Верховье (Шелтозеро):

А.И. Фадеева;

д. Вехручей:

Н.Н. Анисимова, Д. Гушина, Ф. Иванов;

д. Другая Река:

Е.Н. Лонина, М.Н. Лонин;

д. Залесье:

А.П. Власова, А.Т. Силина, А. Слемзин, С.М. Сорокина,

А.И. Пахомова, В.И. Хабулева, А.И. Шайкина, А.Ф. Шайкина;

д. Ишанино:

З. Ефремова;

д. Каскесручей:

И. В. Назаров, К.В. Назарова, М.И. Лумбина, П.Е. Баженов,

А.М. Захарина, А.М. Манькина, М.Г. Июдина, А.Н. Кабакова,

Т. Баженова, М.П. Богданова, Т.С. Ишкина, Ф.П. Лонина,

П.И. Лонин, Г.В. Ишкина, А.П. Богданова;

п. Кварцитный:

Ю.И. Чусова;

д. Огеришто:

М.С. Анхимова, А.И. Лучкина, А. Мякишева, М. Мякишев;

д. Розмега:

П.Т. Табунов, М.Ф. Туюсова;

с. Рыбрека:

А.П. Новикова, М.М. Рыборецкая, Е.В. Сидорова, Г.М. Щербакова;

с. Шелтозеро:

А.П. Баранцев, М.Н. Богомоллова, М.Ф. Гусева, М.А. Горбачева,

А.Е. Ермолаева, А.П. Игнатова, А.Е. Корзин, П. Корзин,

О.И. Коттина, А.Е. Логачева, А.П. Лонина, А.С. Лучкина,

Н.С. Мелькин, П.М. Мошкина, А.Е. Никонов, А.Н. Никитина,

П. Пахомова, Д.И. Пустошкин, В. Романова, Е. Спиркова,

М.Ф. Спиркова, А.С. Трухтарова, А.Г. Яршина;

с. Шокша:

Н.Т. Зайцева.

ПЕТРОЗАВОДСК

В.И. Хабулева, родом из деревни Залесье; К.И. Щетинина, родом из деревни Матвеева Сельга; Л.И. Фошкин, родом из деревни

Каскесручей, А.И. Пахомова, родом из деревни Залесье; Л.И. Симова, родом из деревни Каскесручей; Т.П. Симова, родом из деревни Каскесручей; Н.И. Семов, родом из деревни Каскесручей; В. Симова, родом из деревни Каскесручей; И.Я. Тимкин, родом из деревни Каскесручей; И.В. Кабаков, родом из деревни Каскесручей; П.В. Кабаков, родом из деревни Каскесручей; А.И. Кабакова, родом из деревни Каскесручей; В. И. Кононов, родом из деревни Другая Река; О.А. Панфилова, родом из деревни Другая Река; Ф. Панфилов, родом из деревни Горнее Шелтозеро; М. Арестова, родом из деревни Матвеева Сельга; И.М. Матвеев, родом из деревни Матвеева Сельга; А.И. Шайкина, родом из деревни Залесье; Ф.П. Тероев, родом из деревни Каскесручей⁵.

Я вынужден извиниться перед читателем за обилие называемых мною фамилий и названий населенных пунктов. Но поскольку все эти люди в той или иной мере явились соавторами не только этой, но и предыдущих моих книг – «Живет в народе память» и «Детство, опаленное войной», я посчитал своим долгом выразить всем им чувство благодарности за их отзывчивость хотя бы упоминанием фамилий. С этими же мыслями я подхожу и к представлению моих собеседников, живших и живущих сегодня в вепсских поселениях Ленинградской и Вологодской областей.

ПОДПОРОЖСКИЙ РАЙОН ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

с. Винницы:

М.Ф. Аносова, Д.П. Васюкова, И.А. Дмитриев, У. Дмитриева,
К.Е. Жирова, И.М. Зайцев, П.Ф. Иванова, А.Ф. Колташева,
В.В. Ладыгина, А.М. Степанова, И. Судаков;

д. Гоморовичи:

Д.К. Милосова, М.К. Соколова;

д. Гоури-гора (Озера):

В. Панкрашева, М.В. Филина;

д. Мягозеро:

А. Башарова, И.А. Михайлов, Е.А. Фомина;

⁵ Многие из названных информаторов в силу различных жизненных обстоятельств переехали на жительство в г. Петрозаводск, где от них и были записаны те или иные сведения. Но в данном перечне фамилий моих собеседников я указываю те деревни, откуда они были родом.

д. Немжа:

П.Н. Богданова, С.А. Мензина, Е.В. Олышуква, Н.С. Попов,
А.Т. Попова, М.Н. Филина;

с. Озера:

Т.В. Артешкина, А.Ф. Колташева, А.Е. Ладыгина, Д.К. Мимишева,
Н.И. Панкратьева, Н.П. Осков, И. Оскова;

д. Федоровская:

В.Н. Осков, А.С. Данилов;

д. Шондовичи:

В.С. Ерошкова, А. Исакова, А.Е. Лукина, А.М. Маркова,
М.А. Никифорова;

п. Ладва:

М.А. Абрамова, Ф.А. Минина.

ВЫТЕГОРСКИЙ РАЙОН ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

с. Ошта:

Т.Ф. Калина, Г.Ф. Кононова, К.И. Кузьмина, Г.В. Мишкин,
Т.Г. Мишкина, М.Г. Савкина, А.И. Софронова, М. Силакова,
Г.А. Фотина, А.Т. Малофеева.

Несколько позднее, в 1979 году, были записаны на магнитофонную пленку информаторы из Подпорожского района. Но запись оказалась неразборчивой, и некоторые мои собеседники в данный список не вошли. И все же общее количество только учтенных информаторов составило 134 человека. Всем им моя искренняя благодарность.

ФОЛЬКЛОР И МУЗЕЙ

Музей и фольклор друг от друга неотделимы. Особенно это понятие применимо к музею этнографическому, каким был замыслен и является сегодня наш. Но стал он таким в результате наших многолетних усилий. Это, конечно, истина, лежащая на поверхности, но повторить лишний раз ее не вредно. Количество собранных экспонатов, которые еще лежат в хранилище, станут памятниками материальной культуры народа лишь тогда, когда они будут приведены в то состояние, когда каждый из них найдет свое место. Его самоценность должна определяться еще и тем, насколько его

соседство правильно определено в ряду других экспонатов. Это ведь как в былине или причитании, когда чужеродное слово в строке, чуткое ухо фольклориста чувствует сразу.

Только при таком условии каждый музейный предмет из застывшего памятника народного быта может превратиться в живую страницу истории своего края. Эти мои личные убеждения, возможно, кому-то могут показаться спорными. Что же, я даже особенно и возражать не буду. Просто раздумья свои подкрепляю исходя из личного опыта, так как с давних пор сбор фольклора и создание музея стали смыслом моей жизни.

С фольклором тесно связано не только профессиональное творчество писателей, композиторов и художников. Самодеятельные коллективы, и тому яркий пример деятельность нашего народного вепсского хора, весьма активно пополняют свой репертуар песнями и танцами, которыми озаряли свою юность бабушки и дедушки. Смело используют фольклорные темы и интонации наши местные авторы – поэты и композиторы. Вот для примера стихотворение нашего земляка старожила Шелтозера Эдуарда Бронзова, которое было когда-то опубликовано в районной газете.

Богатым был когда-то этот край,
Зимой мороз, зато уж летом рай.
В лесах зверья и птицы косяками,
Грибов и ягод – знай носи мешками.
В озерах рыбы – не ленись лови.
Весною косачи да глухари
Почти что за деревней токовали.
Селяне от рассвета до зари
В трудах нелегких хлеб свой добывали.
Здесь, по преданью древних стариков,
Селились вепсы испокон веков.
Давным-давно в седой и древней дали
В сказаниях о том упоминали.
Что земли эти заселило здесь
Былинное лесное племя весь⁶.

⁶ Весь (вепсы) – первоначальное название вепсской народности.

РОЖДЕНИЕ МУЗЕЯ

Мысль о создании вепсского этнографического музея в селе Шелтозеро возникла у меня в 1965 году. Занимаясь сбором фольклора, длительное время приходилось посещать вепсские деревни, не только в своем Прионежье, но и, как уже поведал об этом, в Ленинградской и Вологодской областях. Встречи с людьми расширяли мое представление об истории нашего народа, о его жизни, если даже не всегда удавалось от людей что-то записать. Я стал обращать внимание на быт людей, на предметы материальной культуры, которые дошли из далекого прошлого до наших дней. Стал понимать, что та или иная вещь, предмет утвари или орудие для выполнения хозяйственных работ любознательному человеку могут многое поведать. Это и подтолкнуло меня к созданию музея, который бы смог показать всесторонне быт и культуру вепсов от далеких времен до наших дней. Рассказать о людях нашего края – от простых землепашцев, рыбаков и каменотесов до славных защитников Родины, среди которых есть и Герои Советского Союза, и Герои Социалистического Труда. Многие выходцы из простых вепсских семей занимали и занимают высокие должности в научных и государственных учреждениях страны.

С развитием техники, наступлением цивилизации старинный сельский уклад все больше отодвигался в прошлое, многое подвергалось забвению, и люди в своей основе не всегда смогли вовремя понять и оценить, что из прошлого следует сохранить, и часто многие вещи и предметы, имевшие свою этнографическую ценность, за ненадобностью выбрасывались.

О том, как формировалась наша вепсская народность, и сегодня известно далеко не всем. Еще много белых пятен остается и для науки. И музей эти пробелы в какой-то мере пытается восполнить.

Численность вепсского населения в местах компактного проживания с началом индустриализации страны стала заметно сокращаться. Так, если в 1927 году вепсов на их исконной территории насчитывалось 31500 человек, то по переписи 1959 года их численность упала до 16400, а людей, считающих вепсский язык родным, – всего лишь 8000 человек.

Сбор и изучение фольклора, организация этнографического музея в том и состоит, чтобы наглядно формировать у людей, особенно у молодого поколения, представление и знание о том, как шло развитие нашей народности, рост ее культуры и материального состояния. В этом смысле показателен тот факт, что отдельные уроки истории и краеведения не только наша Шелтозерская средняя, но и некоторые другие школы нашего края проводили и проводят в стенах музея.

При создании музея мы столкнулись со многими трудностями, в том числе и организационными. С чего начинать, кого привлекать к этой кропотливой и длительной работе. И хотя она целиком строилась на общественных началах, все же требовала некоторых финансовых затрат. Сельский Совет направил меня в Петрозаводск на конференцию, которую проводило республиканское управление по охране памятников истории и культуры. Там я узнал много интересного и полезного для своей работы. Вернувшись домой, поначалу стал в одиночку собирать предметы вепсской культуры и быта. Выступал в печати местной и республиканской, стремясь заинтересовать всех неравнодушных людей работой, и старался вселить уверенность в людях в возможность создания музея.

С удостоверением сельского Совета, который просил всех жителей своей территории оказывать мне всяческое содействие по сбору экспонатов, я приступил к этой работе. Это было еще в далеком 1967 году. Поскольку этот документ для нашего музея является уже историческим, я тоже решил его опубликовать в этой книге. Через год в газете «Коммунист Прионежья» была опубликована заметка «Село у Онего», в которой сообщалось, что в народном сельском музее собрано уже более 500 экспонатов, рассказывающих об истории вепсского края, и что основателем музея является газосварщик совхоза Р.П. Лонин.

Собирать предметы было всегда нелегко, особенно на первых порах. Находились скептики, не верившие в открытие музея.

Встречались и сочувствующие, которые пытались убедить: «Зачем тебе эти хлопоты – то байки, то хлам старинный собирать, на репетиции хора ходить? У тебя и дома дел невпроворот. Дети еще маленькие». Но я на такие разговоры старался не обращать

внимания, отшучивался, а кого-то даже убеждал в необходимости своей работы и продолжал заниматься своим делом. Я прекрасно понимал и то, что любое новое дело встречает не только сторонников, но и противников. Верил, что пройдут годы и даже самые ярые скептики осознают мою правоту. И я был прав.

Сегодня во всем нашем крае едва ли найдется человек, который бы открыто стал опровергать и мое первоначальное увлечение, и в особенности сегодняшнюю работу нашего музея.

Оглядываясь на трудности первых дней собирательства, мне вспоминаются многие этапы этой работы, когда шаг за шагом я со своими бескорыстными сочувствующими приближался к намеченной цели. Когда в своем доме уже негде было размещать собранные предметы, которыми были заполнены чердак с подолоком и даже сарай, я направился в сельский Совет с просьбой о выделении какого-либо помещения. Оказалось, что справку на сбор этих предметов местной власти было выдать куда легче, чем для начала подобрать хоть какое-либо помещение. В сельском Совете я получил отказ. Не раз обращался и в последующем, но ничего не добился.

Иду однажды по центральной улице села. Навстречу мне из ближайшего дома выходит старушка. Просит подождать у калитки. Остановился заинтересованный, что же она мне хочет сообщить. К моему удивлению, она выносит из дома старинный глиняный рукомойник с двумя носиками. Приветливо посмотрела на меня и предложила:

— Если для твоего дела подойдет, бери. Остался в доме от свекра. Теперь не нужен. А свекор приобрел его у горшечника из Андомы. Он приезжал на лошади со своими гончарными изделиями. Останавливался поторговать и в нашей деревне.

Вернулся домой, а новый будущий экспонат пристроить пока негде, все вокруг забито. Хорошо еще домашние относятся с пониманием. Положил рукомойник у порога. И все же мои настойчивые просьбы свое дело сделали. Спустя некоторое время сельсовет выделил небольшое помещение на нижнем этаже сельской библиотеки. От детской же библиотеки, разместившейся на этом же этаже, помещение музея отделяла легкая перегородка. Места было

мало. Но поначалу и это меня как-то устраивало. Все же собранные предметы находились под крышей. В переднем углу стояли аж две круглые печки. Низкое, но довольно широкое окно давало в дневное время достаточно света. Вторая узкая комната имела два небольших окна. Невольно подумалось: дареному коню в зубы не смотрят, но, сколько же лет придется мне провести здесь, в этой тесноте со своими фондами, которые будут все время пополняться.

Для начала я сам смастерил стенды и витрины. Покрасил их, и они у меня выглядели вполне привлекательно. Самому же пришлось заняться и ремонтом, и оформлением комнат. Когда эти заботы остались позади, попросил совхозный грузовик, чтобы перевезти экспонаты из дома. Можно представить, сколько их набралось, если пришлось совершить два рейса.

Через несколько дней зашел в сельсовет. Попросил о том, чтобы была назначена комиссия для осмотра и принятия музея. На следующий день она явилась и дала добро на открытие. И уже на следующий день, 28 октября, шелтозерцы пришли в Дом культуры на вечер, посвященный открытию музея. С тех пор он стал называться народным. Я испытал глубокое чувство удовлетворения, видя, что мои усилия не пропали и люди поверили. В музей стали приходить школьники, заглядывали журналисты, приезжие люди, не говоря уж о местных жителях. Но с каждым новым экспонатом в музее становилось теснее.

Через три года музей сменил прописку. Мы переехали в здание бывшего школьного интерната и заняли в нем нижний этаж. Как и в старом помещении, пришлось приложить немало усилий для размещения стендов и экспонатов. Но работалось с увлечением. Через две недели новая экспозиция была открыта и пришли первые посетители.

В этом же здании этажом выше жил учитель начальных классов К.Е. Кузнецов. Он был постоянным свидетелем моих неусыпных забот. И когда новая экспозиция была готова для осмотра, он выступил со статьей в газете «Коммунист Прионежья» под заголовком «Неугомонность – его черта». И дело не в том, что он сказал обо мне какие-то похвальные слова, главное было в другом: этим выступлением он привлек внимание властей и общественности к нуждам

музея. Было это очень своевременно. Я позволю себе процитировать отрывок из этой статьи, что поможет первым посетителям музея и мне самому вернуться памятью в то уже далекое время.

«В одной из комнат представлена жизнь вепсов до революции. Чего только здесь нет! Жернов, ткацкий станок, орудия обработки льна, детская люлька, зажим для лучины, лапти, кошель и много других предметов, которыми повседневно пользовались жители древнего Шелтозера. Вот подходит девочка-школьница и спрашивает: «Скажите, а это что?» – Рюрик Петрович отвечает ей шутиливо: «Это утюг». – Девочка в недоумении пожимает плечами. После пояснения ей становится понятно, что таким вот деревянным валиком хозяйка пользовалась взамен утюга.

А вот отдел, где представлены монеты и бумажные деньги до-революционного периода, меха для кузницы, пушечное ядро. Полотенце, которому более ста лет. И оно тоже привлекает внимание посетителей. Большое разнообразие образцов шокшинского кварцита, рыборецкого, шальского облицовочного камня.

Интересен раздел «Сельское хозяйство раньше и теперь». Большое место в экспозиции уделено деятельности Шелтозерского подполья в годы Великой Отечественной войны. Карельский государственный музей подарил бюст Героя Советского Союза Анны Лисицыной. Есть фотографии бойцов, захороненных в братской могиле села. Над ними при включении света зажигается Вечный огонь, вмонтированный в гранит. Диву даешься изобретательности этого человека!

Музей расположен в доме, где я живу. Редкий день проходит, чтобы Рюрик Петрович не появлялся здесь, эту нужную работу для людей он выполняет на общественных началах, из любви к ней, к своему краю. Сколько благодарностей в книге отзывов сделано людьми в его адрес.

Дом Тучина, в котором в годы войны базировался штаб Шелтозерского подполья, перевезен в Шелтозеро. Скоро закончатся строительные работы. Это будет филиал основного музея. Представится возможность вполне осветить деятельность подпольщиков. И этим, конечно, очень доволен Рюрик Петрович – человек, приносящий огромную пользу жителям своего вепсского края».

Я радовался, что получил более просторное помещение. Оно нам позволило развернуть такие разделы: «Интерьер вепсской крестьянской избы», «Промышленность края», «Знатные люди и участники Великой Отечественной войны». Но по окончательному оформлению помещения работы предстояло еще много. И тут стало ясно, что при таком всевозрастающем объеме работ и музейных, и хозяйственных и при все увеличивающемся притоке посетителей без хороших помощников мне не обойтись. Пришлось обратиться за помощью к руководству школы. Оно откликнулось на мою просьбу и даже помогло мне отобрать лучших организаторов из числа учащихся старших классов. Они стали в музее общественными экскурсоводами. Это Таня и Аля Спирковы, Аня Яршина, Люба Курганова. С энтузиазмом, присущим юности, они приступили к тщательному изучению фондов музея. Разбирая старые документы и фотографии, Аля Спиркова на одном из снимков узнала своего дедушку Георгия Александровича Спиркова, бывшего активиста села. Аня Яршина среди передовых механизаторов совхоза первых лет его создания, увидела своего отца Владимира Степановича Яршина. А Таня Спиркова обнаружила своего отца Александра Ивановича Спиркова среди лиц, занесенных на Доску почета в 1969 году. Они были обрадованы, что фото их близких людей стали достоянием музея.

Я смотрел на работу своих помощников и, видя, с каким интересом и старанием они пытаются постичь азы музейного дела, не мог не радоваться, что сбывается моя мечта о создании на селе музея и результаты этой работы можно уже видеть воочию.

В работе с юными экскурсоводами запомнились многие интересные эпизоды. Одним из первых экспонатов была кузнечная наковальня небольших размеров. Это была моя личная находка. В своем селе я приобрел полдома. Стал очищать сарай и подвал от разного хлама и мусора. Это было в 1961 году. И во время этой работы обнаружил наковальню. Нижняя ее часть имела квадратную форму, верхняя – напоминала широко расплюснутую шляпку. Я повертел ее в руках, пытаясь понять, как она использовалась в работе. Потом догадался: нижняя часть входила в нишу, вырезанную в чурке, на верхней – ковалось изделие или выполнялись иные

подручные работы по изготовлению предметов домашней утвари. Следом за наковальней появилось пушечное ядро. И хотя оно прямого отношения к истории нашего края не имело, все же определенный интерес вызвало. Его нашел один из трактористов совхоза в соседней деревне Залесье. Как оно попало в эту глухую деревеньку, остается только гадать. Может быть, прихватил где-то в городе крестьянин этой деревни, дескать, в хозяйстве все пригодится. Если это было так, то он оказался прав. Пригодилось.

Интерьер крестьянской избы в нашем музее предельно приближен к стародавнему времени. В холодные дни с веселым треском топится круглая печька. В левом углу избы от входа разместился большой ткацкий станок для ручной работы. Рядом светец с обугленной лучиной и люлька для укачивания ребенка. Она изготовлена из лыка и крепится к концу гибкой жердочки, укрепленной на потолке. В люльке занавеска из цветного тряпья, самодельные игрушки ребенка. Соска из коровьего рога. На полках размещена различная утварь – от медных до глиняных изделий. В правом углу икона с лампадкой в божнице...

В дополнение к разговору о мастерстве сельских умельцев следует сказать, что почти в каждой деревне были свои искусные кузнецы. Из куска обыкновенного железа они могли создать любой предмет для хозяйственного обихода. Была частная кузница и в Шелтозере.

Скорее всего, и эта небольшая наковальня, о которой говорилось чуть выше, вышла из рук местного умельца. Или взята деревню Залесье, откуда родом моя мать, что в четырех километрах от моего села Шелтозеро. Жили там люди мастеровые. Деревня была немаленькой. К моменту коллективизации в ней насчитывалось до шестидесяти жилых домов, и количество жителей превышало 350 человек. Кузницу в Залесье держали братья Шабаловы. Они ковали лошадей, изготавливали разнообразный инвентарь для потребностей не только своих односельчан, но и других деревень. Многие из залесских мужчин занимались не только своим личным хозяйством, но и владели каким-либо ремеслом, которое приносило в дом живую копейку. Так, Романовы изготавливали кирпич, и спрос на него был постоянный. Сапожник Четвериков орудовал шилом и

дратвой не только у себя дома, но и, позвякивая колодками в заплечном мешке, ходил по окрестным деревням. Яковлев был умелым лудильщиком-жестянщиком, его умелые руки ценили во многих деревнях.

Если и не богатых, то зажиточных, по крайней мере в Залесье, было немало семей. После коллективизации их хозяйства были обложены большими налогами. А чуть позже объявлены кулацкими. Однако высланных из деревни или арестованных не было. Это явилось первым ударом по стабильности и упорядоченности крестьянской жизни. Не касаясь бед деревни, скажем только, что в 1980 году в Залесье оставалось всего четыре жителя. Это супруги Яковлевы, Силина, Баженов. Сегодня в деревне пять дачных домов и ни одного зимнего жителя.

В прежние годы в музей нередко заезжал житель села Шелтозера Иван Николаевич Полин. Один из стендов украшала его фотография. Он был участником Великой Отечественной войны, живым свидетелем коллективизации на селе и одним из первых трактористов нашего края. Когда вокруг него собирались посетители, он с увлечением рассказывал, как проводил первую вспашку на своем железном коне и как пожилые крестьяне поначалу не особенно доверяли стальной машине, боялись тракторного грохота и даже крестились, как от нечистой силы, когда он в колхозе им. Сталина стал на поле прокладывать новую борозду.

Два памятных для семьи предмета передала в свое время Полина Поликарповна Левкина (Сидорова), жительница села Шелтозера. Оба они были в доме Сидоровых, связаны с памятью об отце Поликарпе Егоровиче. В 1936 году правление колхоза «Вперед» за достижение в работе направило его делегатом на Всероссийский слет передовиков сельского хозяйства. Домой вернулся с Почетной грамотой, получив ее из рук самого М.И. Калинина, которого в народе величали Всесоюзным старостой. Вместе с грамотой ему был подарен патефон с набором грампластинок. Привез он также из столицы 25-линейную лампу с абажуром, отрез на костюм и валенки. В первые дни после приезда в доме Поликарпа Егоровича перебивало почти все село. Многим было просто любопытно взглянуть на столичные подарки и покупки, а

самые любознательные пытались распознать, как это может этот небольшой чемоданчик петь живым человеческим голосом. И вечерами дом Сидоровых наполнялся ярким светом 25-линейной лампы, словно светом самой столицы.

Вот эту-то лампу и остатки патефона, повидавшего немало на своем веку, и передала в наш музей Полина Поликарповна.

Любой музейный предмет может рассказать о многом. За каждым из них не только его неповторимое время, но и судьба владельца. Вот еще интересный пример. Уникальную настольную пепельницу с изображением на ней гончей собаки передал в дар музею житель села Шелтозера шофер Иван Алексеевич Яршин. Он работал на мехлесучастке Заонежского леспромхоза. И хотя эта пепельница неместного происхождения, все же рассказать об этом, я считаю, следует. Приобрел этот предмет Иван Алексеевич в г. Зеленогорске, где был на отдыхе в санатории. Приобрел для музея.

А вот история одного любопытного предмета, имеющая нашу местную прописку. Может ли печной кирпич стать музейным экспонатом? Оказывается, может. Потому что такой необычный кирпич по достоинству занял свое место со старинными топочными чугунными дверцами художественного литья Александровского казенного завода. Чем же заслужил такую честь этот вроде бы с виду обычный печной кирпич? На нем вытеснено имя изготовителя «БЕЛЯЕВ». Эта марка сама по себе уже говорила о его качестве. Но кто же и откуда этот мастеровой человек Беляев? Выяснить доподлинно, к сожалению, не удалось, а говорить о предположениях старожилов нашего края не имеет смысла. Ясно одно, что этот самый Беляев жил в одном из селений нашей округи. Не возили же, в самом деле, в наш край кирпичи из-за тридевяти земель. Оказался он в музее таким образом. В 1970-х годах в бывшем школьном интернате, где на протяжении 19 лет размещался музей, на втором этаже стали разбирать печь-голландку, сложенную в начале прошлого века. Во время ее разборки мне показался интересным один кирпич с фамилией изготовителя. Я решил, что он должен занять свое место в нашем музее.

Кроме предметов материальной культуры, в основном рассказывающих о жизни и быте нашего народа, его истории, видное место в наших действующих экспозициях и запасниках (музейном фонде) занимают фотографии разных лет и другой изобразительный материал. Он помогает нам более наглядно развернуть перед посетителями события новейшей истории нашего края, показать ее наиболее значительные страницы. Это, к примеру, эпизоды становления новой власти после Октября 1917 года и участие наших земляков в этих событиях и в гражданской войне; это и коллективизация, и Великая Отечественная война, послевоенные годы мирного созидания на полях и фермах наших колхозов и в последующие годы в совхозах. Это и труд наших прославленных каменотесов и промысловиков «синего поля» – рыбацких коллективов.

Я думаю, что на многочисленных фотографиях, магнитофонных записях и киноплёнках неплохо представлена и современная культура вепсского народа. В 2006 году свой 70-летний юбилей отметил Шелтозерский народный хор. По его многочисленным выступлениям, в том числе и далеко за пределами края, составила огромная фотолетопись, и она тоже является гордостью музея. Замечательный фотоальбом с воспоминаниями бывших минеров (а это были в основном девушки) принесла на вечное хранение в музей бывшая учительница Шелтозерской средней школы Анна Ивановна Коттина.

Сегодня Шелтозерский этнографический музей размещается в просторном двухэтажном доме Мелькина. В свое время любовно отреставрированный, он сам стал музейной ценностью как памятник крестьянской деревянной архитектуры XVIII века. И хотя сегодня он соответствует почти всем нашим потребностям, но и в нем порой не находится лишнего места для показа той или иной экспозиции. Отчасти проблему решает дом Д.Е. Тучина, бывшего руководителя Шелтозерского подполья. Дом этот в свое время был перевезен из его родной деревни Калин-остров. О действиях Дмитрия Егоровича в тылу врага и его трагической послевоенной судьбе читатель знает или может узнать из книги карельского писателя Олега Тихонова «Операция в зоне «Вакуум» (Петрозаводск, «Карелия», 1971).

Дом этот ныне стоит рядом с музеем и является вторым музейным объектом, и его мемориальные выставки и экспозиции вызывают неизменный интерес у многих посетителей.

ВСТРЕЧИ В ГОРОДЕ НА НЕВЕ

1976 год. Однажды в начале дня в музей вошли две молодые женщины. Вижу, незнакомые. Спрашивают у меня:

– Вы Рюрик Петрович, создатель вепсского народно-этнографического музея и собиратель устного народного творчества? – И называют мою фамилию.

Я ответил утвердительно и представился. Женщины оказались научными сотрудниками Музея этнографии народов СССР. Это были Зинаида Предченская и Дина Горб. Приехали с научными темами в нашу прионежскую Вепсарию.

В том же году в Ленинграде состоялся фестиваль народного творчества Северо-Запада нашей страны. Принять в нем участие был приглашен наш Вепсский народный хор, который к тому времени стал гордостью не только нашего района, но и известным далеко за его пределами. В составе хора в городе на Неве оказался и я. Нас, сельских самодеятельных артистов, каждая такая поездка обогащала яркими впечатлениями. Встреча с высоким искусством и культурой, особенно такого города, как Ленинград, наполняла нас духовным богатством. Хотя лишнего времени для осмотра примечательностей и походов по музеям у нас не было. Каждый день проходили репетиции и концерты.

Я давно мечтал побывать в Музее этнографии народов СССР, и вот это желание наконец осуществилось. В один из фестивальных дней после концерта на «Красном треугольнике», когда выдался свободный час, мы с корреспондентом газеты «Коммунист Прионежья» Юлием Мальцем решили побывать в этом прославленном музее. Радужно встретила нас уже знакомая мне Зинаида Предченская. С разрешения директора музея мы совершили не только увлекательное, но и познавательное путешествие в подземные хранилища старины, где ознакомились с предметами быта, одежды, образцами промыслов и ремесел наших предков. И вот мы оказались

в прямоугольном помещении со стеллажами, завешенными синтетической пленкой, и дальше вошли в комнату на дверях с табличкой «Вепсы».

— Вепсская коллекция в музее, — рассказала нам Зинаида Борисовна, — одна из крупнейших в нашем хранилище. Здесь в основном вещи южных и средних вепсов. Но есть немало предметов и ваших северных вепсов. Например, прялки. Они были приобретены в деревне Матвеева Сельга. Или вот инструмент плотницкий, мяло и трепало для обработки льна, соха из д. Розмега... Всего в этом запаснике хранилось более 1050 единиц экспонатов.

Здесь же я узнаю свой родной безмен, предназначенный для домашнего взвешивания продуктов. Местное кузнечное изготовление. Обработка грубая. Все указывает на то, что изготовлен он был не позднее XVIII века. Он верой и правдой служил своему хозяину. Этот безмен был мною подарен из обменного фонда, когда наш народный музей еще только начинал формироваться. Тогда и появились у нас сотрудники Музея этнографии народов СССР. Вот так этот знакомый экспонат и оказался здесь.

Мы с Юлием Мальцем рассматривали детские люльки, лубяные или связанные из тонких дощечек, брали в руки и внимательно рассматривали пяльца с натянутой тканью для вышивания, знакомились с отреставрированными ажурного литья бронзовыми подставками под светильники.

— В прошлом году, — рассказала нам Зинаида Борисовна, — в Венгрии состоялся финно-угорский конгресс. В Будапеште была развернута вепсская экспозиция. Свое место занимал в ней и ваш безмен и вызывал интерес посетителей.

Мы провели в хранилище несколько часов и ушли из него под большим впечатлением о жизни и быте прошлого вепского народа.

ПАСТУШЬИ ПОВЕРЬЯ

При внимательном рассмотрении, а тем более тщательном изучении отдельные вещи и предметы могут поведать многое не только о себе, но и о своем времени, которому они служили и были

нужны, особенно предметы, имевшие обрядовое значение, например, связанные с содержанием скота, его пастьбой. Так, к выгону скота на поскотину каждое хозяйство начинало готовиться заранее. И мелочей для них в этом деле не было. Ритуал самой подготовки и выгона скота за столетия был отработан до совершенства. Пастух избирался всем селением еще задолго до выгона. К его подбору люди относились требовательно, и он должен был отвечать многим обязательным условиям. Пастух не должен был ходить на игрища, употреблять спиртное и за определенное время до выгона стада избегать сближения с женщинами, чтобы не испортить отношения с лесовиком. Жителям селения запрещалось с пастухом здороваться за руку. Нельзя было прикасаться к пастушьему рожку, плети и поясу. Пастух должен был относиться к животным с лаской и не позволять грубых слов. Не употреблять слова «черт», что согласно поверью могло предвещать пропажу скота.

Но вот выбор сделан. Пастух ждет дня выгона скотины на пастбище и этим утром просыпается раньше всех. В первый день выгона хозяйки со двора провожают своих животных. Прежде чем уйти домой, незаметно старались положить в карман пастуха несколько монет или одно-другое вареное яйцо. Иные подарки в этот день приносить было не принято. Когда все стадо было в сборе, люди расходились по домам, а пастух производил свой священнодейственный обряд. Трижды по солнцу обходил стадо и лишь после этого уводил его на лесные поляны. Там он обращался к хозяину-лесовику с просьбой уберечь его скотину от диких зверей и злого духа; быть добрее к его животным. Чтобы задобрить лесного хозяина, пастух оставлял на широком пне для него угощение, что-либо из егостряпни. Считалось, что лесовик не прочь побаловаться табачком, поэтому шепотку его он тоже клал рядом с угощением. В знак того, что договор с лесником состоялся, пастух доставал из кармана небольшой висячий замок в замкнутом состоянии и прятал в лесу. Ключ от него приносил в деревню. Там в определенном месте он бережно хранился. И все же случаи пропажи скотины возникали. Для поиска привлекались прежде всего сами хозяева и желающие помочь. Если найти не удавалась, вепсянки выкладывали на лесных тропах кресты из лучины и при этом

произносили определенное заклинание. Если не помогало и это, обращались к колдунам, которые также занимались и лечением животных.

Вот такой непростой обряд существовал в далекие времена у жителей вепсского края. И был он не единственный. У каждого селения были к тому же и свои особенности. Сегодня ни одному сельскому жителю не придет в голову соблюдать этот или ему подобный ритуал. В лучшем случае хозяйка, выпуская со двора свою скотину, благословенно перекрестится. Но надо понимать, что эти обычаи и поверья складывались столетиями и они отражали уровень знаний и культуры того времени. Для понимания жизни и психологии человека прошлых веков или даже прошлого столетия важно знать эти верования и обычаи. В какой-то мере они отражаются и на примере наших отдельных предметов.

Я уже говорил, что в каждой местности были свои особенности выпуска со двора стада. И вот что, к примеру, рассказала в беседе со мной жительница села Винницы А.Е. Ладыгина, родом из села Озера. «Когда после зимнего содержания корову выпускают со двора в первый раз, хозяйка дома берет кромку хлеба, иконку и обходит двор три раза. После этого кладет на порог топор и только тогда открывает двери двора. Выводит корову наружу. При этом произносит заклинание: «Убереги, Бог, мою коровушку». Потом разламывает хлеб на мелкие кусочки и скармливает оставшейся на дворе скотине».

Пастушеские заповеди и поверья в памяти старожилов наших мест сохранились до наших дней. Еще до недавнего времени люди отчасти этим поверьям следовали. Обычаи эти носили ярко выраженный языческий характер. Вепсы христианство приняли вместе с карелами и русскими. Но многие языческие традиции и обряды уживались рядом с христианскими верованиями.

На снимке, помещенном в этой книге, пастух Степан Лонин запечатлен перед выгоном стада на пастбище. С начала мая (обыкновенно скотину со двора выгоняли накануне или в день св. Георгия, 6 мая) и почти до самого Покрова от восхода до заката пастух со своим стадом находился на дальних выгонах. В кошеле, что виден за его плечами, положен неприхотливый обед. В него же он уло-

жит собранные ягоды и грибы по мере их поспевания. Там найдется место и для целебных трав, знатоком которых являлся почти каждый пастух. В руках он держит чайник. В полдень, когда сытая и приуставшая скотина от жары и оводов отдыхает, он тоже позволит себе сделать некоторое послабление и вскипятит воду, чтобы заварить кружку крепкого, для бодрости, чая. Пастухи издавна бережно относились к своей обуви. Она у них быстрее, чем у других, изнашивалась. Вот и Степан Лонин пойдет за своим стадом босиком. И только на месте пастбища наденет ботинки.

СМОТР НАРОДНЫХ МУЗЕЕВ. ДОМ МЕЛЬКИНЫХ

Для нашего музея март 1974 года остался особенно памятным. На смотре народных музеев Карелии он занял первое место. Это нас настроило на новую плодотворную работу. Повысилось к нам внимание и со стороны административных органов власти, в особенности Министерства культуры республики. С 1 января 1980 года вепсский музей стал этнографическим отделом Карельского государственного краеведческого музея. У нас образовалось пять рабочих мест. Произошли изменения и в моей трудовой биографии. Из совхозных механических мастерских я был переведен в свой музей на должность научного сотрудника. С тех пор мое детище, не побоюсь такого определения, стало именоваться вепским этнографическим отделом Карельского государственного краеведческого музея. А несколько позже он стал называться филиалом.

Но до переезда музея в дом Мелькина оставалось еще целых десять лет. Годы эти были наполнены кропотливой повседневной работой, которая подкреплялась уверенностью, что рано или поздно мы обречем более просторное обособленное здание, чтобы придать всему нашему делу более значительное содержание, как это и позволяли наши возможности.

В 1975 году при Карельском государственном краеведческом музее были организованы курсы руководителей народных музеев Карелии. Эти семинарские занятия, тематический цикл лекций и живое общение с коллегами каждого из нас обогатили, дали

ощущение нужности своего дела, помогли увидеть перспективность деятельности. Но тогда я еще не мог даже предположить, что пройдут годы и музей наш обретет такое здание, которое само по себе станет музейным достоянием, где мы развернем для показа посетителям собранные за многие годы наши богатства.

Осиротевшим стоял в Шелтозере некогда видный и нарядный дом в два этажа. Лишившись хозяев, он старел, ветшала его кровля. А дом все еще хотел выглядеть нарядным. И вот пошли, видимо, не без оснований слухи, что это примечательное строение начала XIX века планируют перевезти на остров Кижь как архитектурно-исторический памятник.

Выступая на краеведческих конференциях, различных совещаниях, используя газетную трибуну, я неустанно убеждал должностных лиц, что дело с перевозкой дома следует отменить и что этот великолепный образец крестьянской архитектуры следует оставить на нашей вепсской земле. И не просто оставить, а тщательно отреставрировать с последующей передачей его для нужд музея. С этим предложением я письменно обратился в республиканское общество охраны памятников. Письму моему был дан ход, и, к моей радости, 28 октября 1979 года мы получили решение президиума Карельского республиканского общества охраны памятников истории и культуры о капитальном ремонте дома-памятника Мелькина с последующей передачей его под Шелтозерский музей.

Вскоре из Петрозаводска в Шелтозеро приехала бригада плотников-реставраторов. Дом Мелькина оделся в леса. Работа стала продвигаться на глазах всего села. Но чтобы получить это решение, которое стало воплощаться в реальное дело, немало сил и настойчивости затратило и наше Прионежское общество охраны памятников истории и культуры. Возглавлял его в те годы известный ныне писатель Иван Костин, работавший тогда заведующим промышленным отделом газеты «Коммунист Прионежья». Он часто приезжал в Шелтозеро, интересовался делами музея. Писал о его нуждах. Издал книжку о каменотесах Рыбреки и п. Кварцитный «Мастера каменных дел». Она хранится в нашем музее.

Несколько слов к истории этого дома. Ему уже почти 200 лет. По воспоминаниям старожилов, в нем жила некогда большая семья Мелькиных. Жили, как это было и в старину в крестьянских семьях, все под одной крышей и общим хозяйством: родители, их сыновья с женами и многочисленными детьми. Прокормить такую семью было делом непростым. Но зато и рабочих рук хватало. И все равно кто-либо из мужчин уходил на промысел. Дом, по преданию, построил плотник-умелец Иван Мелькин. Но вепсский мастер из Шелтозера владел искусно не только топором, но и инструментом каменотеса при обработке порфировых плит из малинового кварцита. В подтверждение этому есть такое доказательство. Эксперт Петербургского фонда культуры Е.Б. Белодубровский утверждал, что в Петербурге в XIX веке люди называли знаменитый Красный мост «Мелькинским».

Последний хозяин этого дома, тоже Иван Мелькин, скончался в 1950 году. Он прихрамывал на левую ногу, но был подвижен и деятелен, хозяйственным и бережливым хозяином. Нередко похаживал вокруг дома со своей суковатой палкой и постукивал ею по бревнам, проверяя их прочность: не завелась ли где гниль. Но дерево не вечно и, если бы не подоспела реставрация, его постигла бы участь многих других замечательных построек, которые мы не смогли уберечь.

И вот сегодня в центре села на невысоком пригорке возвышается это просторное двухэтажное здание и невольно привлекает внимание человека, посетившего Шелтозеро. Он будет вглядываться и удивляться сообразности линий и пропорций частей, филигранности резьбы наличников и причелин. Любой ценитель деревянного зодчества поймет, что мастера привлекала в первую очередь не внешняя привлекательность. Она строго сочеталась с рациональным стремлением сделать так, чтобы все в доме служило удобству жизни, ведения хозяйства. Все это продумано как в жилой половине дома, так и во вспомогательных частях строения. Все под одной крышей, как вообще было принято строить на Севере.

Дом этот, словно высокий терем из старинной сказки, перекочевал в наше время. Стоит он на видном месте, где пересекаются три дороги.

Но главное богатство дома сегодня внутри его. В просторных помещениях развернута обширная тематическая экспозиция по истории и культуре народа вепсского края. По сравнению с первоначальным периодом фонды музея выросли в несколько раз. Музей получил широкую известность не только в нашей стране, но и за ее пределами. Тысячи посетителей уже ознакомились с его новой экспозицией. Это учащиеся школ, студенты, туристы, люди общественных профессий. Каждому из посетителей музей дает яркое и широкое представление о прошлом нашего народа и в целом края с древних времен до нашего времени.

Как создатель музея, я благодарен всем, кто передал в дар семейные реликвии, различные предметы быта и материальной культуры, документы и фотографии. Благодарю тех земляков, кто с первых дней зарождения музея, с 1967 года, поверил в необходимость его создания.

В 2007 году нашему музею исполняется 40 лет. Для учреждения такого рода это еще возраст молодости. Одна из его особенностей состоит в том, что он соединил в себе неразрывный исторической цепью и седую нашу старину, и день сегодняшний.

Музей и дальше будет расти, развиваться вместе со своим краем и отражать его время и деяния людей.

НАШИ ДРУЗЬЯ И ПОМОЩНИКИ

Настоящих друзей и помощников у нашего музея на всем протяжении его работы немало. Обо всех, даже очень достойных людях, рассказать невозможно. Лишь для наглядного примера в подтверждение своих слов назову некоторых из них.

Я многие годы был внештатным селькором нашей районной газеты «Коммунист Прионежья» (теперь «Прионежье»). Во-первых, я стремился использовать трибуну газеты в целях привлечения внимания властей и общественности к нуждам и заботам музея, а во-вторых, это давало мне возможность знакомиться с самыми разными людьми, многие из которых становились нашими заинтересованными друзьями и помощниками.

Среди них прежде всего хочу представить нашу землячку Надежду Николаевну Оськину. Она секретарь территориальной администрации и безукоризненно в течение 15 лет исполняла эту должность. Человек чуткой отзывчивой души и активного образа жизни. Она участница многих хороших начинаний и для многих людей добрый советчик. Являясь членом совета нашего музея, Надежда Николаевна своими предложениями и практическими делами помогла решить многие вопросы. Так, к примеру, когда требовалось что-либо отпечатать на машинке, мы никогда не знали отказа. И это лишь один из штрихов ее общественной натуры.

Есть издавна в народе такая поговорка: будь с людьми хорош сам, и они ответят тем же. В этой истине мне лично приходится все больше и больше убеждаться. С особой теплотой хочется несколько добрых слов сказать о Нине Григорьевне Зайцевой. Вепсянка, уроженка средневепсского региона из Вологодской области, она стала ученым-языковедом. Сегодня она профессор, доктор филологических наук.

Много лет она была главным редактором газеты «Kodima» («Родная земля»), издающейся на вепсском языке в Петрозаводске. Когда я решил издать на родном языке две свои небольшие книжки «Minun rahvhan fol'klor» («Фольклор моего народа») и «Lühudad pajožed» («Короткие частушки»), она охотно взялась их редактировать. И советами, и практической помощью помогла донести до читателя главную суть моих поисков, достоверность самих текстов. Обе эти книжки вышли в Петрозаводске в издательстве «Периодика» (2000 г.).

В числе наших добрых друзей и наставников есть и немало других известных людей в нашей республике. Многочисленные поездки по сбору фольклора и музейных экспонатов дали мне большое обилие материалов и для моего скромного творчества как на вепсском, так и на русском языках. 2000 год, начало нового века, для меня был особенно плодотворным. Кроме уже названных двух книг под редакцией Нины Зайцевой вышли еще две – это «Записки краеведа» и «Каталог личного архива». Первую из них редактировали Е.Ю. Дубровская, старший научный сотрудник сектора Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и О.А. Соколова, старший научный сотрудник Карельского

государственного краеведческого музея. Редактором второй была Л.В. Шилова, заместитель директора музея-заповедника «Кижи». Издания эти увидели свет при поддержке института «Открытое общество» (Фонд Сороса, г. Москва), по программе «Культура».

В предыдущие годы в разных издательствах Петрозаводска были изданы еще две документальные книги: «Живет в народе память» и «Детство, опаленное войной». Литературную обработку и редактирование этих изданий осуществил писатель Иван Костин.

Разумеется, список друзей и добрых наставников нашего музея названными фамилиями далеко не ограничивается. И он еще, вероятно, в той или иной мере будет продолжен в разделе «Письма и отзывы наших друзей».

Я не говорю о наших повседневных помощниках и преданных друзьях в самом Шелтозере и других селениях нашего края. Некоторых из них я не обошел вниманием в других тематических разделах. Однако перечень только одних фамилий был бы, вероятно, ничуть не меньше, нежели внушительный список моих информаторов, у кого я активно собирал образцы устного народного творчества.

ПИСЬМА И ОТЗЫВЫ НАШИХ ДРУЗЕЙ

За 40 лет в музее и в моем домашнем архиве скопилось такое количество писем и отзывов, полных душевной искренности, что поведать о них мне тоже показалось нелишним. Но дело не только в количестве присланных писем. Многие из них сами становятся документами времени, а авторы их своими советами, а иногда и практической помощью помогают нам в работе.

Так, однажды житель города Новочебоксарска из Чувашии, краевед Александр Мочалов прислал такой своеобразный текст: «Уважаемый посетитель! Прояви благородное участие в пополнении музея предметами вепсской старины. Все, что будет тобой передано, послужит доброй памятью о твоём замечательном народе, который эти предметы создал или приобретал и на протяжении жизни пользовался ими».

Мы сочли возможным вывесить этот проникновенный призыв на видном месте, чтобы каждый посетитель смог его прочесть.

В середине 70-х годов из Архангельска прислал письмо экономист Романов:

«Я разыскиваю текст песни «Вепские берега» («Vepsän rand»).

Действительно, такая песня в свое время звучала на вепском языке, ее замечательно исполняла известная певица Карелии Сиркка Рикка. Ее голос мы можем услышать сегодня на грампластинке фирмы «Мелодия», выпущенной в 1968 году. Опубликована песня в сборнике, который так и называется «Песни» (Петрозаводск, «Карелия», 1978). Могу предположить, что слова песни написали супруги Юсси и Ниина Райнио во время Великой Отечественной войны. Мелодию сочинил Л. Йоусинен (L. Jousinen). Обо всем этом я и написал Романову.

Песню эту я впервые услышал в детстве, в 40-е годы. Запомнил ее. Она, по-моему, могла претендовать на вепский национальный гимн. Но почему-то песня эта сегодня мало известна. Во время недели вепского языка, которая проводилась в декабре 1991 года в Шелтозерском Доме культуры, я ее исполнил. Под аплодисменты зала я передал текст этой песни коллективу детского вепского хора. Но перевод текста, который прислал мне Романов, оказался неудачным и я со своей стороны пытался что-то в нем исправить, но ничего хорошего из этого не получилось. Вепский хор исполнял ее несколько раз на русском языке, и мало-помалу она ушла из репертуара. Сейчас, когда у нас появились поэты, пишущие на родном вепском языке, я думаю, есть смысл вернуться к этой песне, чтобы она обрела родное звучание.

Более десяти лет назад я получил письмо, памятное и поныне, от ученицы 8 класса Оштинской средней школы Вытегорского района Анжелы Максимовой. В это время как раз в начале 90-х годов начиналась работа по образованию вепских национальных территорий. Письмо Анжелы было пронизано беспокойством за судьбу родного языка, культуру своего народа и гибнущие леса. Обо всем этом она написала мне как члену совета Общества вепской культуры. Вот отрывок из этого письма: «Очень прошу Вас вышлите мне, пожалуйста, если Вас не затруднит, тексты вепских народных песен, частушек, пословиц и поговорок. У нас в семье

трое детей. Но родители, к сожалению, мало говорят по-вепски. Объясняют нам, что жители Ошты и окрестных деревень настроены против создания у нас вепского сельского Совета. А если это так, то вскоре вепская речь и звучать у нас не будет. Но я с этим не согласна и хочу знать свой родной язык и культуру нашего народа. Я часто бываю на родине своего дедушки. Там очень красиво, кругом леса и озера. Но лес быстро вырубается. Папа по этому поводу очень переживает и говорит, что сделать с этим безобразием ничего нельзя. Можете ли нам в этом помочь? Что если вместе с прекрасной нашей природой будет исчезать и родной язык. Об этом даже страшно подумать.

Ваш адрес мне дала мама. Анжела. 1991 г.».

Разве мы могли такое письмо оставить без внимания. Оно меня, как и моих коллег по обществу, тронуло и взволновало. Независимо от желания родителей девочка-восьмиклассница прониклась к языку и культуре своего народа и у нее возникла потребность приобщиться к заботам взрослых по их сохранению. И, к счастью, пример этот далеко не единственный. Но особенно отраднo, что об этом серьезно и глубоко задумывается школьница и осознает свои родословные корни. А я лишнй раз утвердился во мнении, что при правильном воспитании нашей молодежи на традициях и ценностях своей истории и культуры, мы можем и обязаны сохранить наше духовное богатство с тем, чтобы на основе накопленных знаний преумножить его. Язык и культура вообще и язык своего народа в частности расширяют кругозор человека, делают его осознанным патриотом своей малой родины.

Я не помню в точности, что я написал в своем ответе Анжеле, наверняка, дал какие-то советы и скромные обещания, насколько позволяли на это наши весьма ограниченные возможности, а возможности Общества вепской культуры и в самом деле были невелики.

Вепский писатель родом из села Шимозеро, живущий в Вологде, Анатолий Петухов давно известен широкому читателю своими произведениями об озерном, лесном, охотничьем и рыбацком вепском крае. Легенды и предания вепского народа, его самобытные обычаи и традиции во взаимоотношениях с приро-

дой в рассказах и повестях Анатолия Петухова убедительно и органично переплетаются с современной жизнью его земляков, которые и становились и сегодня становятся героями его произведений. Недавно Вологодское издательство выпустило в свет двухтомник его повестей.

В своем письме Анатолий Петухов писал мне: «Рад, что твоя большая работа – организация вепсского музея – наконец-то признана и поднята на уровень государственного дела. Пройдут десятилетия, и потомки с благодарностью будут вспоминать тех, кто сохранил для них культуру предков и голос истории».

Письмо Анатолия Васильевича было нам дорого не только как поддержка известного писателя, но и знатока народного быта, сумевшего в своих произведениях с художественной убедительностью показать характер вепса, его преданность своей земле и делу, которому он посвящает жизнь.

География таких писем широка: «От Москвы до самых до окраин». Письмо из Москвы от Сергея Турушина мы получили как раз в год открытия нашего музея, в июне 1967 года.

– Я краевед, – писал он, – сейчас, к сожалению, ограничен в своем передвижении. Жаль, что в ближайшее время не могу побывать у вас. Хотелось бы узнать, что способствовало вашему неутомимому собирательству, как складывалась жизнь.

А вот еще письмо из Москвы, но не от частного лица, а от известной творческой организации «Центрнаучфильм». Сценарист Виктор Калашников писал, что давно интересуется культурой Карелии, жизнью и бытом малых народов. Прочитав брошюру карельского писателя Виктора Пулькина «Вепсские напевы», в которой немало сказано и обо мне, он решил обратиться непосредственно ко мне. Ему захотелось подробнее изучить материал на месте для съемок документального фильма о жизни вепсского села, народного хора и показать работу музея для широкой демонстрации.

За давностью времени, а с тех пор прошло не меньше 20 лет, мне трудно припомнить о результатах этого проекта. Но группа кинодокументалистов раз или два из Москвы к нам приезжала. Съемки делала. Но фильма об этом я не видел, хотя где-то он мог демонстрироваться.

Московский журналист Владимир Панков, работавший спецкором по Карелии и Мурманской области от газеты «Советская Россия», по возвращении в Москву писал:

«Все-таки живете вы в чудесном краю и как славно, что болит у вас душа за любимое дело. И хорошо, что есть такой человек в вашем крае, как вы, у которого такой трепетный интерес к истории. Вашими руками и повседневными бдениями создан музей вепсов и в нем хранится многое из того, что могло бы уйти безвозвратно, а в нем будет сохранено».

Или вот отзыв в книге от группы москвичей, побывавших у нас в начале января 1992 года.

«Огромное спасибо за интереснейшую экскурсию. С большим удовлетворением ознакомились с экспозициями музея и убедились, что страницы истории, языка и культуры вепского народа будут сохранены».

Отзывы с таким содержанием были оставлены из многих городов и различных селений нашей страны и нет необходимости цитировать выдержки из писем почти одинакового содержания. О чем они говорят, о стандартности подхода к отзывам? Нет, я думаю, что большинство посетителей вынесли из музея главную мысль: в нем бережно хранится память о народе и его историческом пути, и она будет сохранена для потомков.

Свой восторженный интерес к экспозициям и экспонатам музея выразили в своем отзыве учащиеся школы-интерната № 68 г. Ленинграда. Это был еще 1977 год. Ребята посетили музей в День Победы в Великой Отечественной войне, и вот что они написали:

«Мы, посетив ваш музей и ознакомившись с его богатыми историческими страницами, узнали много нового и интересного. Благодарим сотрудников музея, спасибо им за большую полезную работу!»

Из подмосковного города Обнинска Петр Носов свой отпуск решил провести в путешествии по Карелии и, конечно, не мог не заглянуть в музей, оказавшись в Шелтозере. В своем коротком и выразительном отзыве Петр Иванович написал:

«Я с большим интересом ознакомился с историей края. Очень много интересного узнал о жизни людей, населяющих этот край, о его истории и культуре вепского народа. Хочется выразить глубоко-

кую признательность создателям этого музея и всем, кто причастен к его сегодняшней работе». 27.07.86.

Из города Кандалакша Мурманской области Раиса Горбачева оставила такой отзыв:

«Благодарю, за предоставленную возможность ознакомиться с таким прекрасным музеем. Большое спасибо его создателями. 21.07.75».

От имени посетивших музей пограничников Краснознаменного Северо-Западного пограничного округа полковник Потапов своей лаконичной записью сказал: «С большим чувством ознакомились мы с материалами музея. Молодцы! Здесь любят и ценят свое родное. Такую деятельность нужно только приветствовать. Большое спасибо! 14.01.73».

Побывала в музее и одна из геологических групп. Заглянув в глубь истории, разведчики недр записали:

«С большим интересом ознакомились с материалами вепсского музея. Ваш очаровательный экскурсовод Наталья Анхимова помогла нам многое понять и осмыслить. Успехов вам! Сентябрь 91-го».

Приведу несколько выдержек из писем от жителей городов некоторых республик, когда-то нашей единой страны, ставших ныне, как принято говорить, ближним зарубежьем.

Из г. Батуми (Грузия) прислал письмо Михаил Еганов. Это был март 1970 года, когда там наступила пора цветения садов. А у нас в это время на полях еще лежал снег толстым покрывом и ослепительно искрился под мартовским солнцем.

«Прочитал я в журнале «Советские профсоюзы» про ваш край, – писал Михаил Еганов, – и меня очень заинтересовали дела и помыслы ваших земляков. Очень нужное и важное дело начали вы, и мне хочется пожелать вам на этом благородном пути больших успехов. Все ваши труды и заботы окупятся сторицей».

Геолог со стажем и широкой географией работы Марина Маркова писала из солнечной Грузии: «Как-то в газете «Советская Россия» я прочитала рубрику, что Рюрик Лонин собрал для своего вепсского музея около трех тысяч предметов истории и быта вепсов, немногочисленной народности на территории карельского Прионежья».

Марину Маркову, видимо, немало повидавшую разнообразных мест со своими особенностями и традициями, жизненный уклад

вепсов и его история заинтересовали, и она спрашивала, где и какую литературу по этой теме можно приобрести?

В те же 80-е годы получил я письмо от жителя г. Абакан из Казахстана. Наш далекий адресат Борис Хавротович писал: «Поздравляю вас с созданием вепского народного музея! Вы сделали огромное дело. Время уносит с собой многое, что создавалось каждым народом на протяжении многих столетий. А такие музеи, как ваш, помогают сохранять многие страницы и события прошлого от забвения, сберегать сокровища народного духа и его мудрости. Это особенно важно по отношению к малым народам».

Из Кривого Рога (Украина) Людмила Морозова оставила в книге такую запись: «Я приехала с Украины. И у меня надолго останутся в памяти эти яркие страницы, что я увидела в стенах вепского музея. 06.01.74 г.».

«Желаем музею дальнейшего развития, а народу вепского края благополучия и процветания. При повторном посещении музея в селе Шелтозеро хотелось бы услышать голоса вашего популярного хора вепского народа». Группа туристов из г. Давганис-Краслова (Латвия) 01.08.87».

Было бы преждевременно говорить, что наш музей получил всемирное признание. Нет, до таких амбициозных притязаний мы еще не доросли и все же из ряда стран дальнего зарубежья время от времени получаем письма. Вот что нам, в частности, писали наши друзья из Финляндии:

«Мы прочитали статью в журнале «Punalipru» («Красное знамя»)⁷ Вы хорошо и подробно написали о том, как создавали музей, а также о поездке к оятским средним вепсам в поисках жемчужин устного народного творчества....»

Авторы письма всячески одобряли мои действия и обещали непременно побывать в Шелтозере, чтобы все увидеть своими глазами и лично со мной встретиться и побеседовать. Не скрою, что мне был приятен интерес наших финских соседей к музею, их заинтересованность.

Научные сотрудники Института языка и истории из Норвегии в своем письме спрашивали:

⁷ С 1990 г. журнал стал называться «Carelia» («Карелия»).

«Существует ли у вепсов представление о сотворении мира двумя божествами и как объяснить название вепсов «кайваны»? Какой смысл был у этого слова первоначально?»

Такие вопросы заставляли искать и находить специальную литературу, научные публикации, обращаться к нашим историкам и языковедам, чтобы дать нашим адресатам правильные обоснованные ответы.

Подобные письма приходили из Дании и некоторых других зарубежных стран, не говоря уж о письмах наших соотечественников, побывавших в музее или оставивших непосредственно свой отзыв на месте. Количество организованных экскурсантов в составе групп заметно преобладало над одиночными посетителями, и таких групповых отзывов в книге достаточно много.

Одна из таких групп прибыла из г. Дмитриевграда Ульяновской области. Она оставила, может быть, самую короткую, но выразительно-эмоциональную запись:

«Спасибо, что вы сохранили свою старину. Мы в восторге!» Запись сделана в конце прошлого года.

Не менее лаконичен был и курсант Череповецкого военного училища, посетивший музей пятью годами раньше:

«Все замечательно. Продолжайте в том же духе! 11.08.2000 г.»

И, конечно, самые частые гости у нас – петрозаводчане. Наша книга просто пестрит их отзывами. Приезжают школьники и студенты, рабочие предприятий и сотрудники различных учреждений. В основном они приезжают группами, но немало и одиночных посетителей. Из многочисленных отзывов приведу два.

Группа из 19 человек без указания своей организации записала:

«Благодарны руководителю вепского музея за подробный и интересный рассказ о своем крае через многочисленные экспонаты и документы. 23.01.83 г.»

А вот такой отзыв, появившийся у нас ровно через год, оставили учащиеся в составе 11 человек 27-й школы г. Петрозаводска:

«Сердечно благодарим экскурсовода Александра Максимова за его интересный рассказ. Мы узнали очень много нового о жизни и истории вепского народа».

И едва ли найдется житель в нашем крае, который хотя бы раз не стал экскурсантом своего музея. Книга отзывов хранит множе-

ство высказываний и пожеланий своих земляков. Для наглядности приведу хотя бы некоторые из них.

В июле 1999 года директор Шокшинского сельского Дома культуры записала:

«Уважаемые работники музея!

Вы, наверное, сами не представляете, насколько благодарен и прекрасен Ваш труд. Вы напоминаете молодому поколению о доброй славной истории родного края и его талантливых трудолюбивых людях. Благодаря вашему кропотливому труду они лучше поймут свои корни и принадлежность к своей национальности. Вашими стараниями дети наши не будут себя чувствовать Иванами, не помнящими родства. Низкий Вам поклон».

В 1993 году в музее побывала группа школьников из села Деревянное Прионежского района. В своем отзыве ребята выразили свое восхищение материалами музея и вдохновенной работой его сотрудников.

Аналогичный отзыв оставили учащиеся Шелтозерской школы и некоторых других школ Прионежья. А жители села Шелтозеро, вероятно, сами помогавшие становлению музея, вместе с чувством одобрения высказывают такое пожелание:

«Была бы просьба, сделать подсветку некоторых экспонатов. В вечернее время они неважно просматриваются».

Завершить этот длинный перечень отзывов и писем, который далеко не исчерпывается названными отдельными посетителями и коллективами, мне хотелось записью от 22 мая 1979 года врачей филиала Республиканской инфекционной больницы, под которой стоят десять подписей.

«Врачи филиала ИРБ с большим интересом ознакомились с историей вепсского народа по материалам, собранным сотрудниками музея. Хочется отметить большое старание и многолетнюю кропотливую работу, имеющую большую познавательную и воспитательную ценность, Рюрика Петровича Лонина».

Музей продолжает работать. Будет пополняться своими добрыми отзывами и советами книга отзывов и предложений. Эти записи позволяют нам лучше строить и планировать свою работу, полнее ощущать связь с большим внешним миром и чувствовать полезность своей деятельности. А это в конечном счете главное.

Р. П. Лонин с матерью,
д. Каскесручей, 1963 г.

Р. П. Лонин с родителями, 1959 г.

Р. П. Лонин, с. Шелтозеро, 1970 г.

Слева направо: Татьяна Спиркова, Алевтина Спиркова, Любовь Курганова, Анна Яршина – общественные экскурсоводы музея, Иван Полин – член совета музея. Фото В. Трухтарова, 1978 г.

Участники курсов повышения квалификации руководителей народных музеев, г. Петрозаводск, 1975 г.

Деревня Боброзера, Бокситогорский р-н.
Фото А. Кяхрик, 1979 г.

Черная изба, Рагощекинский с/с, Винницкий р-н,
Лодейнопольский округ, Ленинградская область, 1928 г.

Вид села Шелтозера, 1930 г.

Дом Спирковых, с. Шелтозеро.
Фото В. Чижикова, 1982 г.

Вепсская семья Судаковых, с. Шелтозеро, 1930 г.

Константин Минович Полин с женой и детьми. Дагестан, 1929 г.

Вепские девушки, 1920 г.

Степан Николаевич Лонин – пастух
деревни Каскесручей, 1942 г.

Егор Николаевич Баженов,
д. Залесье, 1990-е гг.

Реставрация дома Мелькиных, с. Шелтозеро.
Фото В. Романова, 1979 г.

В экспозиции народного музея, с. Шелтозеро, 1970-е гг.

Р. П. Лонин и Н. С. Мелькин – член совета музея,
с. Шелтозеро. Фото В. Трухтарова, 1979 г.

Р. П. Лонин – участник вепского
народного хора, с. Шелтозеро

Р. П. Лонин и Н. А. Анхимова
в экспедиции, д. Ярославичи, 1933 г.

Ершов Софоний Дмитриевич
(1888–1946),
первый национальный художник Карелии

Макарьев Степан Андреевич
(1895–1937),
историк и этнограф-вепсолог

Ракчев Сергей Степанович
(1901–1983),
зам. Председателя Совета
Министров КФССР и КАССР

Горбачев Марк Васильевич
(1902–1964),
Председатель Президиума
Верховного Совета КАССР

Кононов Василий Иванович
(1904–1983),
основатель вепского народного хора

Манькин Иван Павлович
(1924–1984),
Председатель Президиума Верховного
Совета КАССР

Зайцев Николай Георгиевич
(1931–1995),
доктор технических наук,
профессор

Курганов Василий Дмитриевич
(1906–1988),
конструктор артиллерийской
ракетной техники

Лисицына Анна Михайловна (1922–1942),
Герой Советского Союза

Потапова Анастасия Ильинична,
исполнительница причитаний, д. Каскесручей

Логачева Анастасия Егоровна (1896–1988),
вепская сказительница, с. Шелтозеро

Воронцова Дарья Сидоровна, плакальщица,
д. Ярославичи Ленинградской области

Шелтозерский вепсский этнографический музей
предлагает экскурсии, занятия, театрализованные мероприятия, лекции, туры.

Обзорные экскурсии:

- Жизнь, быт, занятия, промыслы и обряды.
- Шелтозерский район в годы Великой Отечественной войны.

Тематические экскурсии и учебные занятия:

- обрядовые традиции;
- вепсский костюм;
- традиционные игры и забавы;
- занятия и ремесла (вышивка, ткачество, ивоплетение, береста);
- народная музыка (песни, музыкальные инструменты, пастушьи наигрыши).

Пешеходные экскурсии:

- Село Шелтозеро. Малые деревни.
- Вепсский дом.
- Подворье Яшезерского монастыря.

Автобусные экскурсии:

- «С топором за поясом». История деревянного зодчества.
- «Дорогами войны». Шелтозерское подполье, Герой Советского Союза А.М. Лисицына, оборонные укрепления времен войны.
- «Каменных дел мастера». С показом уникального месторождения Шокшинского малинового кварцита, онежских разработок диабаз, мастерства каменотесов.

ОДНОДНЕВНЫЕ И ДВУХДНЕВНЫЕ ТУРЫ

- Рыбрека, Каскесручей и Вехручей (питание, ночлег в старинном вепсском доме).

Наш адрес: 185514, Республика Карелия,
Прионежский район, село Шелтозеро, ул.Почтовая, 28

Режим работы:

ежедневно с 10.00 до 17.00

перерыв с 13.00 до 14.00,

выходной – понедельник.

Заявки по тел. (8-142) 53-91-50.

E-mail: veps.museo@onego.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
ИЗ ИСТОРИИ ВЕПСКОГО ПРИОНЕЖЬЯ	5
СЛЕДЫ ВРЕМЕН МИНУВШИХ	7
ЛЮДИ – ГОРДОСТЬ НАШЕГО КРАЯ	10
СЛОВО О СКАЗИТЕЛЬНИЦЕ АНАСТАСИИ ЛОГАЧЕВОЙ	16
ФОЛЬКЛОР В МОЕЙ ЖИЗНИ	18
ФОЛЬКЛОР ВХОДИТ В ЖИЗНЬ	24
ЗАПИСИ СВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВ	28
НЕОЖИДАННОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ В ПУШКИНСКИЙ ДОМ	31
ЗА МНОГОВОДНОЙ РЕКОЙ СВИРЬ	36
ЛАДВИНСКИЕ ВСТРЕЧИ	40
НОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ	47
И ОПЯТЬ ПОЕЗДКИ С БЛОКНОТОМ	50
ФОЛЬКЛОР И МУЗЕЙ	53
РОЖДЕНИЕ МУЗЕЯ	55
ВСТРЕЧИ В ГОРОДЕ НА НЕВЕ	65
ПАСТУШЬИ ПОВЕРЬЯ	66
СМОТР НАРОДНЫХ МУЗЕЕВ. ДОМ МЕЛЬКИНЫХ.	69
НАШИ ДРУЗЬЯ И ПОМОЩНИКИ	72
ПИСЬМА И ОТЗЫВЫ НАШИХ ДРУЗЕЙ	74

Рюрик Лонин. Хранитель вепсской культуры
(к 40-летию Шелтозерского вепсского этнографического музея)

*Печатается по решению научно-методического совета
Карельского государственного краеведческого музея*

Редактор И. А. Костин

Редакторы текстов на вепсском языке: Н. А. Анхимова, А. И. Анхимова

Компьютерный набор: Н. А. Анхимова, О. В. Лонин

Дизайн, оригинал-макет А. И. Анхимова

В книге использованы фотоматериалы из фондов Карельского государственного краеведческого музея, Шелтозерского вепсского этнографического музея, личного архива Р. П. Лони́на.

Фото на обложке из фондов Национального архива Республики Карелия.

Серия ИД. Изд. лиц. № 00041 от 30.08.99 г. Сдано в печать 25.05.2007 г. Формат 60x84^{1/16}.

Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,7. Тираж 300 экз. Изд. № 25. Заказ № 663

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

